

Французская теория литературы XVIII в.

просвещенцы находили в природе вообще, они замечали и при анализе человеческого поступка: всякий акт человеческой воли представлялся обусловленным, моральными, физическими, политическими условиями, необходимыми прецедентами. Для пресловутой свободной воли человека не стало места, к ней начали относиться отрицательно... Вольтер не сразу помирился с этой необходимостью, сбились новыя просвещенческие учения. Сначала он мстил, ухватывал неукротивую досаду на теорию, которая, повидимому, лишала его самого полной самостоятельности, которая как будто склоняла его катереня, самое помысли его, — лишала его возможности распоряжаться по усмотрению свободной осядой. Но, только больше он освобождался от новыя научныя принципами, только больше он вникал в характер новыя учения, только больше он склонился на сторону великаго логическаго послѣдствія. Тереза австрийскаго императрица и по этому вопросу согласилась с английскими мыслителями, и уже до самаго конца своей жизни оставался ревностным защитником условной свободы человека.

Воль-любивыя теория этой внутренней борьбы Волтера. Въ „метафизическомъ трактатѣ“, опубликованномъ въ 1734 году, Вольтеръ решительно отстаиваетъ свободу въ человеке. Свобода эта, по его мнению, состоитъ въ способности выбора: человекъ можетъ поступить такъ или иначе, и решение его въ данномъ случаѣ независимо отъ какихъ-нибудь условий

и Мошковъ. Въ 1737 году Вольтеръ продастъ свое записки о
 свободу воли въ своей перепискѣ съ Фридрихомъ Великимъ,
 который былъ тогда еще наследнымъ принцемъ прусскимъ и
 который уже сходилъ на проповѣдоложника зрѣнiя
 и отвергалъ свободу, какъ несомнѣнную съ предъавленiемъ
 обь общей законности и условности вѣтъ явлений. Нѣко-
 торые французскiе изслѣдователи — Герсе, Барни, Ансбергъ —
 прямо заявили, что Вольтеръ всегда охранялъ свободу
 воли. Напротивъ того. Но во вѣтъ его крупнѣе произ-
 веденiяхъ, появившихся поемъ 1740 года, во вѣтъ его дис-
 сертаций на Фрелета и Брошюра, одними словами во вѣтъ
 пропускать его пропаганды ^{находить} въ Школы ~~и~~ другое
 воззрѣнiе, къ которому онъ пришелъ около 1740г. и ко-
 рого держался до самой смерти. Такими образомъ, какъ про-
 водникъ, какъ мизераторъ, Вольтеръ являлся защитникомъ
 условной свободы. Въ позднѣйшихъ сочиненiяхъ Вольтера
 уже нѣтъ речи о сомнѣнiяхъ или о колебанiяхъ по этому
 вопросу. Ученiе о воли обусловленной утверждается рѣ-
 шительно, категорически, и развивается теснѣе съ замѣ-
 чательными блестящими и оригинальными. Въ этомъ отноше-
 нии особеннаго вниманiя заслуживаетъ превосходный
 невольной трактатъ, написанный въ 1766г. и изданный
 подъ заглавiемъ: Le Philosophe ignorant. „Не существуетъ
 ничего безъ причины“, пишетъ Вольтеръ. „Сладостное безъ при-
 чины, это — безмысленное выраженiе. Всякій разъ, какъ я

во время хранения, человекки умирает злом добродетельности,
 там же больше они посвящают себя на служение обиде и стыду.
 У многих дикарей в обычае — носить свои браслеты; но
 они не срамуя пощады своих соплеменников, поэтому то
 это было бы прозвато и презреть или сажать. Указание
 мнѣ, говорить Вольфери, какой-нибудь народности, какую-
 нибудь семью, где было бы, напр., дозволено нарушать законы,
 ценное обязательство и не исполнять данного слова. Пред-
 ставьте себе дуть судьбы на землю: они будут казны,
 быть добрыми, добродетельными, справедливыми же, что
 они созидают хорошие и полезные для них двояки.
 Представите себе чужаки, и добродетельство будет же, что
 будет согласоваться с желанием и поведением великих
 чужаки, и если одним из них есть что-то из своего же.
 Варница, подает или уверяет его, они злы как собаки
 поднимать прозвато себя сажать. Такими образом,
 заключая Вольфери, всюду покаяние о добре и зле опре-
дляет предсказание об обиде и зле. Эти
 моральные покаяния — необходимые условия существования,
 не всякого обиде. Без них, без злы основатель
правильного поведения немаломо никакое обиде. Они
 управлены самой природой человека, который сего — как
 уне Аристотель выразил — живое обиде
 (ζῷον πολιτικόν) и уверяет непреодолимое влечение
 к жизни счастливой, ролей, гурман. Подобно тому, как

Божество сообщило пчелам и муравьям суждение по
обществу, которого нет ни у волков, ни у соколов,
зак и человеку оно дало познание к бытию социаль-
ному, к жизни в обществе. Таковы натуральная осно-
вания морали.

Всякий разсудительный человек придет к заклинению,
что быть порядочным и честным — согласуясь с его собствен-
ным интересом... Мы видим в эфемере воззрениях
общих, еще мало определенной охраняемой той утилитарной
теорией морали, которая получила широкое развитие во Франции
попавшей в XVIII столетия и заняла все больше и больше разра-
батывалась в XIX веке. В закон формы изложена воз-
зрения Вольтера в его „Метафизическом трактате“ (См. Трактат
IX), в одной из глав его „Основания Непозитивной фило-
софии“ („Éléments de philosophie de Newton, I, VI“) и в основа-
ниях к Фридриху. Они развиваются подобно тем воз-
зрениям и в позднейших трактатах.

Следует замечать, что Вольтер несколько раз и с
особенной настойчивостью указывает на свое несогласие с
Локком по моральному вопросу, но это несогласие только высту-
пает. Вольтер утверждает, что он с своей стороны признает
общие принципы морали, а что Локк их отрицает. Но
в сущности и Вольтер и Локк развиваются в том же направлении.
Ни тот, ни другой не признают врозь идущих в разные
сторонах моральных идей. Вольтер прямо высказывает

прозвись бродячимъ нравственнѣмъ поидѣиъ, — и, како
мы видѣли, сводить моралъ къ общесрѣтнѣмъ поидѣиъ, опре,
дѣлять ея поурѣднѣмъ общесрѣтнѣмъ союзу. Этоло все
въ зомѣ, что Локкъ высказываеъ рѣзше, Вольтеръ болѣе мягко,
родко и утиливо.

Съ 1720 г. по 1772 г. вышло дѣлаъ зомѣ Извлеченій
изъ Энциклопедіи, гдѣ было собрано, по всевозможнѣмъ пред,
медамъ, все, что было самаго важнаго во вѣдѣ фрлансофрѣкнѣ
соиненіаъ Вольтера. За исключеніаъ религіи, съ козорою
Вольтеръ боролся на шизнь и смерть, потому что не видѣлъ
возможнаго компромисса между казониескою церковною
и разумною, оны не претендовала на измѣнѣе самыхъ основъ
общесрѣтнѣмъ шизни. Въ качествѣ буржуа, получившаго
дворянство, собоуветника и кашизалисра, оны былъ огеаъ
консервативенъ; ни абсолютная королевская власть, ни об,
щесрѣтнѣе неравенство не казалас ему несомнѣнѣмъ,
съ прогрессомъ. Вмѣсто зого, чтобы все испровергнуть и за,
зѣмъ пересоздавать все вновь, оны касался зѣмѣко итького,
рѣшь газетъ зданія и при зѣмѣ въ извѣстнѣмъ порядкѣ; оны
добывалас устѣла, направляя всякій разъ вѣло своего энѣрѣно
и вѣло своего попуярносра на какую-нибудь одну подробносрѣ
общесрѣтнѣмъ организацин, на какой-нибудь газетный случай
несправедливосрѣи и угнезденія.

Это недовѣрѣе къ системамъ, его аристократическіаъ тенден,
ціи и его здравый смыслъ, — все это вѣло оны засравило его чевоуеъ

У Ср. Локка, Спикъ I, сѣд. 3, 52 и 510.

себя реалистическую и, какь сказали бы в наше время, оппозиционную политику. Взглянем поближе на эти вопросы, которыми занимали публику малюска книжечки, вышедшия из Фрейля: это были события дня, в которых проявлялись какія-нибудь злоупредления, какая-нибудь общественная язва, какое-нибудь сводехвіе засра, рталась предразсудков и пригношеніемъ своихъ франкитице, скинь традицій. Вонзеръ пользовался ими не для того, чтобы разсудить по нимъ повод; онъ создавалъ общественное движение съ целью добудься изъвнешняго редуибура, засрабихъ воспориссрвовазе разумъ въ окончателномъ рѣшеніи дѣла и, если возможно, издѣль какой-нибудь общей мѣры, озвѣчавшей будущему. Судить изъ ширлей Менса (деп) вели процесъ прозивъ своего свидѣтника; Вонзеръ произнесъ по зтому поводу свое слово. Подвергся осужденію какой-то млохой мемуаръ адвоката, прозсрдовавшаго прозивъ оуму. ченія отъ церкви комедіантовъ (1761 г.)

Вотъ вкратцѣ исторія знаменитаго дѣла, о которомъ Вонзеръ прозрубилъ на всю Европу и которое возбудило глубокое негодование во всемъ образованномъ европейскомъ обществе. Въ Штутгартѣ жило одно почтенное протестантское семейство — Каласовы. Судить изъ сановей, Луи Каласъ, перешелъ въ католическую вѣру. Другой — Маркъ — занимался литературой. Онъ былъ наклоненъ къ меланхолич и душевнымъ болѣзнямъ.

Анна
Каласъ

Трактирскій пудачи разгромили его окончателъно: къ зору,
 говоря отъ спосодмоузей не имать, поехуишь на службу
 было для него такъ же затруднительно, такъ какъ отъ бѣлы-
 прохванды; къ тому же у него были долги. Маркъ-Андреанъ
 рѣшилъ покончить съ жизнью, и однажды вечеромъ его
 нашли повѣсившимся на двери. Подъехали за врачами
 и полиціей. Между тѣмъ около дома собралась толпа. На-
 родъ Тчулукскій оживился въ то время отъ рѣзкихъ фе-
 нацизмовъ. Въ толпѣ кто-то сказалъ, что это самъ скарискъ
 Капая повѣсилъ своего сына, который будъ бы по приговору
 своего меньшого брата хотѣлъ перейти въ католичество. Слово
 было подхвачено, и черезъ несколько минутъ никто уже не
 считывался въ толпѣ, что дѣйствительно Маркъ-Андреанъ
 пачъ скарискова сродническаго рвенія своего оуца, предпочитавъ,
 того умертвить сына, чѣмъ допустить его обращеніе къ като-
 личеству. Этого дѣйствительнаго пришло оборотъ, который
 представлялъ удобной слухай дурловенству въ него итмарся.
 Семейство Капая было заключено было въ зорскую, а пока про-
 изводилось слѣдствіе, въ чулукскіе церкви проповѣдникъ,
 ки грезьли съ своихъ кафедръ прозиви прохвандовъ и въ-
 срабляли скариска Капая убійцей его содѣвственнаго сына.
 Повѣсившагося Маркъ-Андреана похоронили съ большими
 зорневыми, какъ муреника за католическую вѣру. Черков-
 ный братства чухромли по слухамъ похороны церемоніалъ,
 ной процесіей. Въ церкви, подѣ великолѣпнымъ кадрами,

укротили скелеры, представивший марка-Анжуана, ее парламентской вступило в одной руке и в другой руке ее не, ромь, козоромь отъ Якоби должены были подписать свое озрешение отъ протестантской ереси. Весь народъ Шулудский ознакомились къ покойнику, какъ къ святому: ходили молиться на его могилу, рассказывали о его чудесахъ, одна бого-молка слышала такой колокольный звонъ, однимъ монахомъ вырванъ у покойнаго Каласа ильскою зубомъ для Моисей. Среди заклетъ обезьянъ было размахиваемо въ Шулудской парламентъ, козорой послы суммарного и крайне прозволнаго слюдержива приговорилъ сфарика оуца къ колесованию, а одного изъ сыновей къ позорному изгнанию. Въ ходъ были пущены всякия пытки: Каласу выдвигали и разбивали члены, но отъ продолжати насраивае на своей невинности, козорую отъ еще разъ задалъ на самомъ мѣстѣ казни. Сына заперли въ монастырь и прилагали сфараніе къ его насильственному обращению въ католицизмъ. Дочерей оуцки у махери и заклетъ заключали въ монастырь.

Какъ уже сказано, сфарикъ Каласъ былъ на самомъ дѣлѣ колесованъ, какъ убійца своего повѣсившагося сына, ибо католическіе судьи признали безъ всякаго доказательствъ, что здохъ каласвишекъ умертвилъ своего сына, тогда же дочерей его переиди въ католицизмъ. Волоньеръ собралъ съ разныхъ сфоротъ цѣлую коллекцію подлинныхъ документовъ, доказывавшихъ невинность умертвѣ (1762 г.); отъ

*) проесо издана, кіе его ознаменій въ вселенной къ варловану существу, въ при- родѣ; здохъ забаво противилъ ересь, социальнаго про- жескомъ. Делъ...

1) Въ томъ же году Волоньеромъ найдено, выправлено и издано въ свѣтъ завѣщаніе Жана Мелсе. Мелсе, какъ светскому свидѣтелику, хорошо было известно бѣдственное социальное положеніе французскаго крестьянства XVIII вѣка. Завѣщаніе Мелсе, — не проесо философій Франца, не

приняло в свой дом осужденную несчастной семьи, и добился пересмотра процесса; в течение зрелой юности это было его главным делом, и в конце концов он заслужил судей возстановить честь опозоренного имени Каласа. Он написал по этому поводу Трактат о толерансе (Трактат о Второзершимоези, 1763 г.); но эта книга была только средством повлиять на общественное мнение и на судей. В это время другой прокурор, Сурвенель, был обвинен в том, что похитил своего слабоумного дочь, затем кончил самоубийством. После реабилитации Каласа, Вольф занялся Сурвенелью (1765 г.).

Эти процессы обнаружили перед нами недостатки судебной процедуры, неясное и жестокое злоупотребление пыткой; они заслужили его зреловатые реформы судебной администрации, и он написал (1766 г.) комментарий к книге о Прокурорстве и Наказании (Комментарий к прокурорству и наказанию, 1766 г.), изданного Гюккардом. В то же время Вольф возмущался в своем романе L'Indigne (1767 г.) против lettres de cachet, этого мрачного вопроса всего XVIII века. В самом ярком своем остроту Вольф является в его мелких сатирических рассказах. Знаменитейшим из них L'Indigne (Наивный герой или наивное дитя природы), Туротт, занесенный какими-то судьбами в тюрьму. Это событие описано Туротт гитарой Библито и непременно Лочеръ, чтобы и зайное повеление об арестовании.

его образам, потому что въ Библии наръ необразованнѣе.
 Пріоръ съ зрѣдкомъ мовъ его убѣдишь, что эта церемонія уже
 бышла нръ умоудрѣнїя. Наконецъ, Турокъ общаеиша
 приниаетъ крещеніе. Въ день, назначенный для крещенія,
 онъ вдругъ пропадеаъ, после долгихъ розысковъ по наво,
 дявъ въ рѣкѣ, раздѣлаго до нага, съ сложенными на кресту
 руками. Это срашадъ убѣдишь, что со времени евангеліи
 нравы совершенно перемѣнились, но онъ звердо ешоръ на
 своемо, что въ Библии вѣсь крещеніе въ рѣкѣ. Одна зомско
 двѣица Сень-Ивъ, къ козрой онъ чубеубоваль зайное впе-
 ченіе, могла убѣдишь его приниаетъ крещеніе по умоудрѣнїя.
 емоу въ наеодящее время спосоду. Черезъ нѣсколко вре-
 мени Турокъ признаеаъ еъ въ любви. Ша, краснѣ, озеи,
 лаеъ его къ своему родезвеннику. Добродушнѣ Турокъ ни,
 какъ не можеть пондѣъ, закъмъ зуръ въ шымазеицево іреъ,
 яго лица. Однако онъ соглашаеаъ и на это. Дядя дѣлаеаъ
 ему предлозеніе беруишь въ духовное званіе: пріораъ
 будеъ за нинѣ обезпеченъ. Дикаръ оеиъ благодаренъ, но
 на предлозеніе это можеть согласиъаъ зомско зода, сем
 это не потымаеаъ его зиеиуаъ. Дядя обяеиаеаъ ему,
 что его любовь прозивна Божіеишамъ и человѣческииъ
 законамъ, ибо Сень-Ивъ была его крестной маеаеаъ. Турокъ
 въ опроверженіе этого предлавиаеаъ проеаъ фактъ, что
 въ Библии ничего не сказано объ эаоиъ запрещенїи. Тезка
 наодуъ одинъ выходъ: просиъ у наво разрѣшенїя.

Дикарь обтиралаеъ руку. „Вро-же зрюъ славною малюю, что
 закъ благосклонно будешь покровишьсѣхубовашъ нашею любови?
 Я сейчасъ же хощу говорить съ нимъ.“ Ему обиденъ зрюъ, кто
 это папа, и Турокъ удивленъ еще болше. „Въ вашей книгѣ
 нѣтъ объ зромъ ни одного слова, любезный дядюшка, я воль
 генеръ въ Брежани, и тогда получишь позволеніе любишь-г-ну
 Свѣтъ-Ивъ, должишь иди къ человеку, которій шибверъ гдѣ-то
 на Средиземномъ морѣ, да еще познающъ и не поймешь моего
 языка?“ Дикарь согоръ, во что бы то ни стало, овладѣетъ
 своею возлюбленною. Онъ взываеъ къ великимъ правамъ и кребо-
 ваніемъ природы. Невѣсту его посилаютъ въ монастырь. Тамъ
 какъ онъ совершилъ когда-то великіе воинскіе подвиги, то ему
 совозвущюу отправившя къ двору; закъ по крайней мѣрѣ онъ
 можеть надѣяться получишь позволеніе взядъ невѣсту изъ мо-
 настыря. Дикарь отправляеъся. Въ госпиталицѣ встрѣчаеъся
 онъ съ гугенозали, которые разсказывають ему о бѣдѣ свѣтъ,
 постигшиъ Францію со времени оуманья Намурскаго Эдикта:
 при зромъ онъ узнаеъ, что виной всему былъ иезуита. Турокъ
 высказываеъ уверное намѣреніе поговорить объ зромъ при
 дворѣ. Одни слышатъ его великодушнѣ, другіе придворники
 шущомъ. Зрюъ разговоръ подслушала шипіонъ лезуиновъ, и
 немедленно даеъ знать оиъ немъ въ Версалѣ. Сейчасъ-же
 по пріѣздѣ въ Парижъ дикаря бросаютъ въ Бастилю.
 Тамъ ему пришлетъ свидѣтъ въ одной камерѣ съ Яссени,
 зромъ. Оба несчастные дружатся. Яссениеъ спрашиваеъ

своего зоварища, какого онъ мысля о думъ, о происхожденіи
идей, о милосердіи Божию и о свободной воли? Никакого,
свободнаго дикарь: мы, и все міръ подчинены высочайше,
му существу; это одно я и знаю, все опасное для меня
къ на кротчайшая. Турокъ много разказывае о своей любви,
и Яковлеви утѣшае его, хотя досихъ поръ снудати любовь
смерзмати въ грѣхоты. Между грѣхоты Сень-Ивъ вышла изъ мо,
нашуря. Она пришла въ Версалъ хлопотая о въ освобожденіи
дикаря. Бѣдная дѣвушка не могла этого добудся инакѣ, какъ
изъ своего своей чеши. Турокъ свободенъ. Но Сень-Ивъ уми,
рае о въ оуба и горд. Дикарь дѣлае о офицеромъ, со,
вермае чуда храбрости и до конца жизни сохраняе
любовле и благородное воспоминаніе о самоозверженно

любившей его дѣвочки. Хотя злая новость (Lingéni) вышла бы иномъ Вонзере,
все-таки въ публика узнала автора и по направленію, и по слогу. Дѣл Парижской публики
Въ 1762. Била консеована въ Аррасте дворянство она била цѣлѣ
дела. Парр за ро, что тѣмъ негесривой пѣсни и изуродо,
бавъ расивѣ. Вонзере снова поднимаетъ свой голосъ въ
1768 году. Въ своемъ Flotte aux quarante écus (1768) онъ
нападалъ на либеры одного экономиста, но воспользова,
ся злимъ слухомъ факше и для того, чтобы указать на зло,
упомянутія десятинами и поубедоу умиотоменія
монашррей. Онъ защищали своихъ сосѣдей, кротчайше
кредитъ монашрря Сень-Клота (1770г.). Загнати слодчеръ
огередъ вдовы Монбелси (1770 года) и графа Морантиса
(1773 года), факше двухъ смерзвъ французскаго правосудія.

собирае: се бже
расивавало и о
шадноостго чизано
все одичево.

Въ это время оуброуточно канцлеръ Вонзере глумитъ надъ неключежнотными поземель,
нѣмъ малоголо, придучаимъ физіократами. Онъ сопоставляетъ бѣднаго землевладѣльца, получ
галошаго доходъ въ 40 Эко и получаемого въ уплатѣ изълой половини этого дохода государству, и
капиталера, получующаго доходомъ въ 400 тысячъ ливровъ и совершенно освобожденнаго
о въ подати.

Наконецъ являлся Лалли (Lally-Tollendal), въ палате коро-
ляго Вонзертъ пишетъ свои Озривки объ Индїи; онъ ока-
зываетъ поддержку сыну похрудавшаго и въ одной изъ своихъ
предисерзанныхъ записокъ высказываетъ радость по поводу
приговора, возстановлявшаго герца несласнаго герцога.
Этой широкой олаской великъ ошндокъ правосудїа Вон-
зертъ содѣйствовалъ больше, чѣмъ кто-либо другой, реформы
судебной процедуры; онъ обнаружилъ передъ велики недо-
судки дѣйствовавшей системы и сдѣлалъ ихъ невидими,
малыи. Въ его старому недовольству ансемисскимъ пар-
ламенту присоединилась гуманитарная неависор-
къ застарѣвшимъ традициямъ дѣль корпорацій, къ имъ
легкомыслию и заносливости, къ имъ эгоистическому рав-
нодушію и предпочтенію, которое они оказывали своимъ
коллективнымъ интересамъ передъ интересами правосу-
дїа и газетныхъ лицъ; вслѣдствіе этого онъ горячо ан-
тидировалъ неизверженію парижскаго парламента
канцлеромъ Мопу и президенію новыхъ Собраній, объ-
щавшихъ больше беззрое, вторное и человетное правосудіе.
Онъ написалъ даже трагедію на уничтоженіе парламен-
товъ "Les lois de Minos" („Законы Миноса“, 1773 г.).

Въ 1775 г. Вонзертъ принималъ въ свой домъ одного изъ
товарищей де-ла-Барра, юнаго Эталлонда; онъ далъ ему
образование, опредѣлилъ его на службу къ прусскому ко-
ролю и хлопоталъ о реабилитациіи его добраго имени.

1) Короли?

В 1775 г. Вольтер написал le Cri du sang innocent (Возглас невинной крови), козорого мы коснулись уже раньше. Вольтер сформировал иногда во главе из своей армии, козорогие, но его интонация, слишком выдвигалась вперед. Так, напр., он очень дурно отнесся к открытому заявлению Тондаха о своем агентстве (Lettres de Memmius à Cicéron, 1771 г.; Histoire de Jenni ou le Sage et l'Attiée, 1775 г.). В 1774 году знаменитый администратор-философ, Тюрго, стал министром. Как министр финансов, он де-факто стоял во главе французского управления, и не прекращал военное хозяйство своим положением для осуществления своих заграничных планов и грабе физиократических начал, козорогие предсказывались для него аксиомами социальной науки. Преобразовательские проекты следовали одним за другими. Безоудачно, наперекор все больше и больше усиливавшейся рою юридически господствовавшим классам, он лобом сдвинул административные обычаи, сносил выковые феодальные отложения и расширял почву для деятельности новых классов, начавших напоминать о своем французском преобладании. Вольтер поддерживал реформы Тюрго и одобрял безоглядную заботу о либах; он много раз от умиления законодательных застав, заставивших голодать жителей его малекского Мекса, и добился отмены пш (1776 г.). Того же года принадлежал его Писано в Академии о Мексике (1776 г.).

Въ области еврейскихъ и христіанскихъ древностей,
 которыхъ Волтеръ посвятилъ генеръ свое особенное вниманіе,
 онъ имѣлъ уже нѣскольکو предшественниковъ. Надъ библей-
 ской и христіанской исторіей зрѣдился много англійскіе
 джентльмены конца XVII и начала XVIII вѣка; нередко обращаясь
 къ этимъ вопросамъ и знакомый намъ Иверъ Тэйлоръ. Но
 главнымъ образомъ три писателя приобрѣли извѣстность
 на означенной поприщѣ: Шопландъ, Болингброкъ и
 Вулсторъ; на нихъ-то и много ссылаются Волтеръ въ
 своихъ полемическихъ трактатахъ. — Отсюда наиболѣе
 выдающіяся сочиненія Волтера въ этой области. Во-пер-
 выхъ — трактатъ о библейской и христіанской ^{исторіи} издаанный
 имъ въ 1767 г. подъ заглавіемъ: Essai important de
milord Bolingbroke. Для болѣе безопасной онъ от-
 несъ эту книгу на языкъ Болингброка и помѣстилъ ее
 1736 ^{году} годами. Затѣмъ — также крайне рѣзкій трактатъ,
 осужденный французскими парламентами и вынужденный
 въ 1769 г. подъ заглавіемъ: Dieu et les hommes („Богъ и люди,
 сочиненіе доктора Оберта, произведеніе геологическое, но
 разсудительное“). Въ томъ же году Волтеръ издалъ для
 публики собраніе апокрифическихъ евангелій. Въ 1776
 году онъ выступилъ въ своемъ обширномъ подерзочномъ контъ
мензарій къ книгачу Везлага Завяца. Не говорю о
 массѣ мелкихъ сраженій, брошюръ, памфлетовъ, касающихся
 съ той же землѣ и наводившихъ парижскій книжный

ранее этого времени. В любопытной летописи Баммонна
ежедневно упоминается о каком-нибудь новом поле,
каком-нибудь сочинении Вольтера: „Эголь суранный человек“, и,
теперь летописец в 1765 году о Вольтере, „охваченный магией
неиспробованной католическую религию; это какой-то новый
род славы, к которому отъ губевуерь неужомилиую маюду.
Проведения его расхваиваюуея съ какими-то эпидемическими
увлечениями“...

Характер политический зрудова Вольтера опредмивея
следующими соображениями. Тенодсвующея политическое
взращеня основываея на оукровеннм. Исходниками оукро-
веннй признаюуея извбсудные палдзники, еврейские и хри-
стианские. Вольтер задаея целю раскрыть человеческое,
свсудсвнное происхождение зрнм палдзниковъ и предаъ
оурицакю зору сврхсвсудсвннм, оукровеннм характеру,
который нмъ приписывали. Средства для дозисненя этой
цели онъ упоредмляея следующимъ: во-первыхъ, онъ оуказея,
ваидея на прозворочия, логическия несообразности, рачю,
на логичю несооудзельностея даннмъ, передаваеммъ на
мдзочиками; во-вторыхъ, онъ обнаруживаея несогласие
зрнм палдзниковъ съ моралью, обмиваея безнравственностея
дямнм, въ нмъ изобразиммъ. Палдзники, по его мнню,
несооудзельны какъ въ логическомъ, такъ и въ нравственномъ
оуношеннм. Озюда Вольтеръ заключаетъ оу нмъ чнско чело-
веческомъ происхождении. — Такова сущностея аргументации

Вольтера, и кь зрѣть двумя пунктами — кь логической и мо-
ральной мелочи выковыль перогниковъ — оны поеданно
 возвращаеца. Оны разламываеца множеству оудальности по-
дробностей, множеству чудесъ, пророческъ, предсказаній, оу-
мчаеца въ тѣль какъ оусудеца рациональности, закъ и оу-
судеца сурого морального характера.

Въ наше время такой анализъ ^{главнѣйшій пунктъ} второподобности или мо-
ральности ветвь зрѣть подробностей и эпизодовъ не можеца
 представлять серьезнаго интереса; но въ XVIII столѣтїи задачи
 были нѣсколько иныя. Традиция гавала себѣ несравненно
 смѣлѣе убеждаеца и въ обшественныхъ помядѣяхъ, и въ кажто.
 Въ глазяхъ обшества, да и въ глазяхъ ученыхъ, цѣлая область
фактовъ была поедавлена въ особѣ, привилегированное попозне-
нїе. Кь зтой области нужно было оунесуеца просьба, дрезво, не,
предубѣжденно. Гудодѣлїи во Францїи XVIII вѣка были смѣ-
 явленїями довольно обычными. До насъ дошло множество
свидѣній о чудесахъ, игравшихъ большую роль въ кружкахъ
французскихъ Ансениеровъ философскаго столѣтїя. Поэтому-
 то и полемика была умѣрена и цѣлесобразна.

Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, одновременно съ западными Хри-
стіанскими и еврейскими древностями, Вольтеръ издавалъ мно-
 жество философскихъ популярныхъ сочиненїй, въ коихъ оны
 пропаладировала воззрѣнїя просвѣдительской школы Лок-
ка. Кь зтому периоду оуносится его блестящїй срагги: Le
philosophe ignorant (1766), Lettres de Memmius à Cicéron (Письма

Принципы Дамаски

Кемпий къ Цицерону, 1771), Le principe d'action (1772) и
его Dictionnaire philosophique (Философскій Словарь), ко-
рѣй служили дополненіемъ къ Великой Энциклопедіи
и надъ которыми Вольтеръ сталъ работать уже съ 50-ю годовъ.
Философскій словарь или лексиконъ имѣла громаднѣйшій успѣхъ
въ обществѣ того времени: одно изданіе следовало за другимъ,
онъ осужденъ былъ парламентомъ и подвергнулся вѣдескимъ
преслѣдованіямъ со стороны властей. Это одно изъ самыхъ
бойкихъ и остроумныхъ произведеній великаго писателя.
Въ словарѣ собраны разнообразныя сужденія по философіи,
морали, литературѣ и древности. Доскопичивали и ксѣ,
сужденія о философіи. Точенія на дерисоріанъ
при риклвннхъ, по мнѣнію Вольтера, произошли ирениу.
нзсрвенно по науценію евреевъ. Первые хрисіане являюу.
сѣ у него еанонодивенни крамонсниками; онъ утверждаеу.
Будто при Траянѣ они убили въ Азіи болѣе 200 тысячъ елю.
откъ; они были наказаны, ирибавидея онъ, но мѣнье, тѣмъ
заслуживали. Истерсно, что высочайшимъ образомъ въ
религіозномъ, нравственномъ и праввенсрвенномъ озмонс.
ни Вольтеръ снзаетъ Китай, правда, очень мало извѣстной
французамъ того времени. Свдиченная кснни индусовъ и пер.
совъ каиуеу снхъ величайшими произведеніями челоовече,
ской мудрости. Конфуціи и Зороастра онъ снзаетъ выше
всѣхъ древнихъ законодательей. Древніе египтяне и герман.
цы были, по его мнѣнію, деисры; Юліана-Везулинника снзаетъ

они одними из величайших героев и мудрецов; они точно
 из государственной мудрости были исключены из светского
 общества. Но во всем этом есть черта знаменитая:
 во всем этом нехорошо нехорошо права гражданская для бу-
 дущего. Они хотели показать, что находящееся сейчас не
 за несбыточной мечтой, и что во всем этом, при болоте
 благоприятных обстоятельств уже ощущается то, что
 мы назвали частью своей суровости.

Согласие прямо раздано на пропаганду: в том
 мире суровости, суровости, — изложение переносно
 чуждым людям, авторы переходят от одного
 предмета к другому и забываешь различие в самом разном,
 но вопросы знания и жизни. Волтер любил повторять,
 называешь, забываешь одно и то же: закон при том от-
 сираешь необходимыми условиями для успеха пропаганды...
 Потом была эта философская трагедия Волтера из 60-х
 и 70-х годов значительно различая от его предшественников,
 дошедшая из периода 30-х годов. Основная мысль, содержание
 доктрины, в главных чертах, осталось то же, но приемы
 стали совсем другие, отношение к традициям стало еще
 враждебнее. И такую разницу следовало, в известной мере,
 на, отсюда на сцену влияния самой изысканнейшей обработ-
 ки. Волтер увлечен был увлекавшимся Броннием
 чуждым, и следовало его в нападениях на существующий уря,
 эти же возрасту пропорционально с теми сочувствием,

съ той поддержкой, которую она находила въ образованномъ
 обществе. Весьма поучительно, читать „Философскій Словарь“;
 вспомнить перетскую Вольтера съ Фридрихомъ въ конце
 30-хъ годовъ. Съ тѣмъ поръ измѣнились не только тонъ фило-
 софскихъ обесурждений, но и самый подборъ задачъ и вопросовъ.
 Глубокое сомнѣние образовалось въ рѣшимостное отрицаніе. Въ
 60-хъ и 70-хъ годахъ отношеніе Вольтера къ президенту смѣ-
 лѣе дѣлается еще раздѣе, еще свободнѣе, отъ еще болѣе оуриша-
 ется отъ президентскихъ традиціонныхъ привычекъ. „Ньтозонъ“, имену
 Вольтеръ въ своемъ словари, „видитъ въ прокураторствѣ Senotium
Божесва. Въ предшес время мнѣ казалось, что я пошкато
 это слово; я былъ еще молодъ. Теперь оно для меня стало уже
 непонядно, какъ и золкованіе апокалипсиса. Прокураторство-
Senotium Божесва, органъ Божесва! — Печально, что гений,
 подобный Ньтозону, говоритъ такія непонядныя вещи!“ Въ
 „Философскомъ словари“ Вольтера мы находимъ самыя злобныя
 выкладки прозвѣе метафизиковъ и схоластиковъ древнихъ и
 новыхъ временъ; здѣсь мы встречаемся съ Глессияцини,
 подбодносными сражками прозвѣе безплодной фразеологій
 и риторикіи ходячихъ ученій. Вместо ея развѣе въ зрѣе по-
 слѣднихъ сочиненій Вольтера изложено, сшисъ — доери,
 гаетъ изумительной прозою и ясности. X

Между тѣмъ простонародная пропаганда Вольтера и энци-
 клопедическое приносила плоды. Перетская великая литература,
 ра съ Даламберомъ представляеть интересный данной для

Характеристика этого переворота в общественном мнении, который все яснее и яснее обозначается в течение во-ль и го-ль годовъ XVIII столѣтій. Признаки новыхъ воззрѣній, рас-
 пространявшихся въ обществѣ, были для Вольтера важной
 опорой въ его дѣятельности, подкрѣпленіемъ и утѣшеніемъ
 его въ борьбѣ съ предрасудкомъ. То и дѣло оны указывающъ
 Даламберу на приближеніе царства разума, на водвореніе
 въ обществѣ болѣе зрѣлыхъ понятий, на вліяніе, оказываемое
 просвѣдительской философіей на все острѣе общественнаго
 воззрѣній. Оны видятъ вселенн, новаго поколѣнія, которое
 съ ужасомъ и оубраженіемъ относился къ фанатизму. Фило-
 софская церковь все дальше и дальше процвѣтаетъ своею владою,
 ксѣво. Даже въ провинціальныхъ мѣстахъ, даже въ консерватив-
 ную среду парламентской бюрократіи проникаетъ посылкою
 лучи просвѣщенія. Пророчески пишетъ Вольтеръ Даламберу
 въ 1766 году: „Какъ вы думаете, къ какимъ результатамъ при-
 вѣдетъ истре- черезъ зрѣдчатъ дохъ переворота въ умѣ, который
 совершается теперь отъ Неаполя и до Москвы? — Я думаю, что
 не много въ виду ученыхъ въ Сорбоннѣ или зольныя на рын-
 какъ, но я говорю о порядочныхъ людяхъ изъ средняго круга.
 Сами я слишкомъ сдѣръ и не могу надѣяться что-либо уби-
 дать, но я обращаю ваше вниманіе на поколѣніе, которое
 теперь складывается. И эта надежда поспѣшно проскальзы-
 вается въ писемѣ Вольтера: „въ Англіи“, пишетъ оны, „вы-
 сшерили взоры на издавніемъ разсудковъ лорда Болинброка;

Это второе издание гораздо полнее первого, оно продается очень дешево, и весь мир знает его. В последние два года больше жриц, цари подобнаях трагедийх распространялось по всей Европе. В конце концов должно же все это произвесть как-нибудь полезная преобразования в государственной организации. Тогда, кто первый сказал, что люди будут счастливши только под управлением королей-философов, были совершенно правы. Я слишком счастлив, что бы увидеть такую прекрасную переломку, но бы увидел по крайней мере начало: „Ныне демоническое владычье“, теперь Вольтер в другой раз, „объявил за последние 15 лет жрицех Европы. Скоро будут у нас новые небеса и новая земля.“

В Френсе Вольтер написал Мемуары Петра Великаго (Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand), Мемуары Паризскаго парламента („Histoire du Parlement de Paris“), „Мамкрета“, „Шоуландку“, много сказок, повестей, поэм и переписывался в течение шестнадцати лет с Екатериною II. Популярность великаго писателя все возрастала. Слава его основывалась не только на его обширной лифрературной деятельности. Уже давно отъ были известны всему образованному миру, какъ слава французскихъ лифрераторовъ, его роль пропагандиста, его значение в кружках энциклопедистовъ еще больше расширяли его знаменитость. Но къ этому присоединилось еще другое обстоятельство. Мемуары

Каласовы, Сурбетовы и Лабарровы и многих других туземцев
 несправедливо, которых были раскрыты, возмущены всему
 миру и преданы позору скарлатинным Волгера, дождавшим ему
 репутацию заступника сражающихся и угнетенных. Со
 вставь егоров образованной Европы возмущал отъ сочувствие
 къ своей добродетели. Въ ниль переписывался Фридрихъ,
 Викариусъ, многие возмущенные государи, въ ниль замески,
 были высокопоставленные особы того времени, ему кланя,
 имел политическя и членая знаменитости. Въ Френсй.
 скопъ замески передывало за это время множество извоу,
 поезей того времени. Волгерь подгаъ замеска, то много,
 модное общество, собиравшееся въ Френсй, имаше его замески.
 Онъ разсказывае какъ-то въ письмъ къ Даламберу, то у него
 за узнитомъ слодитъ 49 человекъ, въ томъ числѣ очень высокоп.,
 славителна лица изъ мира административнаго. Въ Френсй, къ фи.
 лософу, обращался со вставь егоровъ и концовъ Френсй за совѣта,
 ми, за разрешеніемъ сомнителнахъ вопросовъ. Такъ, мы на,
 ходимъ въ корреспонденціи Волгера забавное письмо къ М. де
 Ди Деффанд, въ которомъ отъ туземца разсказывае слѣдующее:
 "одна бургомистръ изъ Миддлбурга, котораго я знаю не знаю,
 прислала мнѣ письмо, гдѣ отъ по-прямую спрашивае
 меня, ест ли Богъ, и если отъ действително существуетъ, то духа,
 ест ли отъ о насъ; вѣрнса ли махерит; можеть ли махеритъ махеритъ,
 и дайте мнѣ просить меня немедленно описатъ ему оубо. Подоб,
 ный письма я почитаю естественнаго." — Эти анекдоты слышавъ

Французская пещорія литература XVIII в.

свидетельствовало той обширной репутации, которую приобрели
 во то время Вольтеръ. Они были какимъ-то Папой, философскимъ
 Далаи-Ламой въ Европе. Какъ новый приморъ утончен
 славы и влияния съ точки воздорженнаго сочувствія, котораго
 пользовался Вольтеръ во французскомъ обществе того време-
 ни, былъ однимъ случаемъ, рассказанной Мадониссемъ въ
 половине XVIII века Башинотомъ и относящейся къ 1769 году.
 На почти наши письма съ слѣдующими адресами: Царю
 позовъ, философу народовъ, Меркурию Европы, орактору оренскаго,
 пещорнику королей, патегирику герцога, верховному суду въ
 дтлакъ вуса, покровителю искусствъ, благодѣлю замановъ,
 цѣлителью гений, бичу вѣка въ преследователей, врагу франкизовъ,
 заццирнику угнетенныхъ, оцу сиротъ, приморъ для подра-
 жанія богачамъ и моднымъ, опору для людей музидатоуцелей,
 безмерному образу вѣка въ высшихъ добродѣтелей. Таковыя
 были эмразическій адресъ. Поголамъскіе чиновники, съ прои-
 цазельносерго, приписывающаго чиновникамъ философской
 эпохи, отправили письмо къ Вольтеру, потому что къ нему
 одному были приложены все эмразеи утонченнаго адреса.

Если Вольтеръ пользовался какими-то сочувствіемъ со сто-
 роны публики, то нечего и говорить, какъ почухала его
 философская бражда. Паризскіе философы и литераторы
 воздвигли Вольтеру еще въ 1772 году, при его низости, ста-
 дуго, и въ подметяхъ на эту срачу принимали участие
 Экаерина II, Фридрихъ Великій, король Давид и многіе

германскіе приципы. До какой степени доходилъ Кюлер Вольтера во французской образованной среде, видно, напр., изъ словъ такого независимаго и неподкупнаго въ своемъ сужденіи и въ мнѣніи человека, какъ Дидро. Дидро говорилъ: „Былъ бы я могъ допустить въ комъ-либо непогрѣшимое сужденіе, то зрѣлъ бы человека быль бы Вольтеръ?“ — Мизерадоръ, начавши свое карьеру, юные философы и поэты обращались къ Вольтеру за совѣтами и наставленіями, посвящали ему свои стихи, и нужно дивиться, какъ семидесятилетней старикъ посылалъ каждому даждь какое-нибудь полезное указаніе. Корреспонденція его по-исриту изумительная. До насъ дошло семьдесятъ писемъ Вольтера, но, по множеству библіографовъ, эта коллекція далеко не охватываетъ полнотой: она, впрочемъ, меньше поповина всего количества его писемъ. Презвѣсье и всюду мысли Вольтера сохранились до послѣднихъ дней своей жизни.

Любопыденъ для насъ разказъ Д. М. Тромъ-Визима о томъ, какимъ пріездомъ Вольтера въ Парижъ и объ его пріемѣ со стороны французской публики. Мы знаемъ, что Тромъ-Визима (по множеству А. Шахова), съ своими идеалами сродушна совѣсть не понималъ всемірно-историческаго значенія французскаго просвѣщенія, великаго научнаго и общественаго смысла всего просвѣдительскаго движенія, не заложилъ раздѣливать или преувеличивать популярнаго Вольтера: не раздѣлялъ воображеніи поклонниковъ Вольтера, должны

относится къ драму Коллонтае. Однако фраза общезвестнаго
 знаменія Волгера такъ резко бросался въ глаза, что под-
 збръидение этого фраза мы находимъ у самого Фромъ-Визи,
 ма. Вързъ извлеченіе изъ его письма къ графу Памилу:
 „Приблизіе Волгера въ Парисъ произвело зогмо такое въ
 народъ здѣшней гдѣсьвѣ, какъ бы сошесвѣе какого-ни.
 будь оошесвѣа на землю. Почтеніе, ему оказываемое, ничтъмъ
 не разнезвучеъ оъ оошесвѣа. Я увѣренъ, что если-бъ глѣбкая
 сзаросъ и нѣмоуи его не оудгали, и оны закоротилъ бы про.
 повѣдодаръ зенеръ новую такую сснзу, зо-бъ всегъ народъ къ
 нему образился. Ваше сѣдженсво изъ послѣдующаго уснозрѣе
 изволите, можно и много заключить изъ приѣма, козорый
 сдѣлала ему нѣдлика. — По прибозіи его сюда, скопско сѣи.
 козворцы, ему преданное, пишуръ въ его славу, счонско не,
 навѣдвнціе его посылать къ нему безимѣннѣа сазирь.
 Первѣа негаразѣа, а послѣднѣа нѣаъ; ибѣ правденсво
 запрѣдило оодливало указомъ негаразѣа зо, что Волгеру
 предосудило быъ мошерь. Такое уваженіе сдѣлано
 ему сколко за великіе его таланты, счонско и ради счаро-
 сѣи. 1) Сей 85 лѣтнѣй счарикъ сочинилъ новую трагедію:
Ирена или Алексіи Коллинъ, козорая была и предсѣв,
 сена. Нѣтъя никакъ сравнѣеъ ее съ предимли; но нѣдли,
 ка приндла ее съ вослищеніемъ. Сильъ авзоръ не виданъ
 за болтознѣо первой репрезенталціи. Онь зольско вѣра въ
 первый разъ вытѣалъ; Биль въ академіи, позомъ въ театрѣ,

1) На поляхъ рукописи замѣтка автора: „Это хужъ вторнаго? Les employés?“

где нарочно представили его повсюду урядитю. При выезде со двора карета его препроводителя была до академии безчисленными многочисловыми народа, непрерывно рукоплескавшая. Все академики вышли на вербочу. Они поспешили были на директор, сколько ласки и ласки объективное баловство, избранное единодушными восклицаниями в директору на апрель. Окно гезверга года. Когда слодилъ онъ съ ласкучицы и садился въ карету, тогда народъ закричалъ, чтобъ все смилала шляпа. Съ академии до двора препроводили его народная восклицанія. При взуплении въ ложи, публика аплодировала многократно съ неописанными восторгомъ, а спущая ильскою кинуръ, сдаришій актеръ, Бризаръ, вошелъ къ нему въ ложи съ вѣткою, козорий и надталъ ему на голову. Восторгъ возгласъ свдиль съ себя вѣткою и съ радостными слезами въ слухъ сказалъ Бризару: Ah, Dieu! vous voulez donc me faire mourir! Трагедія играна была гораздо съ болѣе совершенствомъ, нежели въ прежнія представленія. По окончаніи съ новымъ зрѣлище открылось. Занавѣсъ опять былъ поднятъ. Все актеры и актрисы, окружа босеръ Востеръ, утолщивали его лавровыми вѣтками. Съ примеченіе публика препроводила рукоплесканіемъ, продолжавшимся близъ гезверга часа. На, конецъ, представлявшая Мрену актриса, з-ма Востеръ, обра, здесъ къ Востеру, гизала похвалыные сужби. Для показанія своего удовольствія, публика велела повзорить зтегіссу, лоби и аплодировала съ великими крикомъ. Какъ же скоро

Вольтер сталъ въ карету, ^{своею} за парадъ, осановивъ кучера, закри,
 гавь: ^{факелы} des flambeaux, ^{факелы} des flambeaux! По принесеніи факеловъ,
 белыми кучеру тылазъ маршомъ, и безчисленное множество
 народа съ факелами проводило его до самага дома, крича не,
 презанно: Vive Voltaire! — Скою ни много зорисеубъ и нощи
 г. Вольтеръ въ зеченіе вѣка своего, но вчерашній денъ бѣлъ
безъ сомнѣнія наипушиій въ его жизни, которая однако скоро
престыгетъ, ибо скою оны зечеръ благообразенъ, ваче сидитъ.
субо увидитъ изволице по приложенному здѣсь его портрету,
всѣма на него походящему."

Съ этиъ разказомъ Фронъ-Визинъ согласно и повѣрваніе,
 сообщенное Трипмоу въ его мизракурной корреспонденціи."
 Фронъ-Визинъ разказываетъ и о другіихъ предзавленіи, на ко.
 зоромъ присуствовалъ Вольтеръ. Онъ озправилъ съ зиеной стозрже
 Анзиру. За нашенъ каредомъ тылазъ Вольтеръ, сопроводилъ
 множество народа. Вышедъ изъ карехи, мой зиема озамо,
 биласъ со мною на крылечкѣ, посмотрѣвъ на славнога
 челоубка. Мы увидѣли его почти на рукавъ несомга дубра
 лакейки. Оиднубиласъ на зичу мою, пришлозиль оны, что
 мы парочно дидъ него осановилимъ, и дидъ зого шавль аз.
 зенцию, къ ней подойдъ, сказазъ съ видомъ удовользевія и
 почтенія: Madame, je suis bien votre serviteur très humble.
 При сихъ словахъ едиласъ оны закой зиезъ, которій пока.
 зывалъ, будзо оны савъ дубилъ своей славы. "... Послы зра,
 гедін, нѣкто заслуженной офицеръ и кавалеръ Лескюръ
 Уск. и у Теухнера.

возгорание шаромъ сзикообразова и, вошедъ въ ложу къ Волъ,
зеру, подалъ ему сигментное швъ въ горъ ше моментъ смерти.
Волъзеръ озвочилъ лектору экспромпту.кв.?"

Такое горющество, въ преклоннаеь годахъ Волъзера, долзи,
но было поураси все его организмъ. Къ этому присоедини,
иасъ лихорадочная дядзельность, козрой онъ предавался
въ последнее время въ Паризитъ: закъ, въ одну ночь, 34-хъ
летзний сзарики араншировалъ для сцени своего новуо
урагидитъ; онъ насраблялъ актезровъ, работалъ надъ словаремъ
для академии, и свериль зого приходилое съ удра до ноги
принималъ визиты. Въ эти дни за казидель его словомъ,
за казидель многое слодило все французское общество.
Передъ домомъ его езодла золпа. "Философы, лихеразори,
актези, одимъ за другимъ являлись къ нему - отдавалъ свое
почтение. Эти биезрая слитки ошциенитъ раздурили здо,
ровсе Волъзера: онъ заболелъ и умеръ (30-го мая 1772г.).

Руский посолъ въ Паризитъ, князь Барызинский, снака,
на сообщилъ Эказеритю II извощие о кончинте великаго
писателя, а черезъ двъ недели послалъ подробное донесение
обо вегахъ обезрадзельсехвалъ, сопровозидавшимъ смерть Волъзера.
Барызинский, для болтае зочинте сводитий, обрашилъ къ од,
ноку изъ своихъ, притдземъ, и возе писемъ ззого притдземъ
о кончинте Волъзера онъ и препровозидаетъ въ конии шъ,
перазричьтэ Эказеритю. Ограничуетъ двубидъ выдорзжками:
"... Слудъ о болззнии Волъзера и одъ его опаснаеь положенитъ

У. L'homme aux Calas

скоро разнесся по Парижу. Поны и набожные люди очень обрадовались, все порядочные люди были глубоко огорчены. Можно даже сказать, что друзей разума и просвещения оказало гораздо больше, чем врагов и протестов. Но поповская ненависть, которая никогда не прощала, продвигалась во всей своей действительности... "Все поны обнаруживают непристойную радость; они поворачивают слова императора Визуелія: друг врага всегда хорошо знает; но зато, кого они ненавидели, уже нечего бояться иль безвредной злобы, а иль охотятся злобно урешивать отъ Бюшневца надъ его могоилой". Волондужезво прокрадывается даже въ диллома, зическую переписку, но министерству императрицы дель. Поеомъ знаетъ вкуса императрицы и свободно шлетъ ей сообщеніе своего придель-радикала.

Резюме.

Универсальность гения Волондужезва изумительна. Онъ былъ поэтъ, историкъ, ученый, философъ, журналистъ, пропагандистъ, онъ осмивалъ все, до чего дохотивалось его перо. Это сужденія басурны и варвары, оубовы оуброумовы, выкладки дель, сядици, насильники злы, криулки зисезоки до цимизма. Какъ императоръ, Волондужезв больше всего выказалъ таланта въ своей романахъ и своей корреспонденціи.

1) Пресиде всего онъ прославился какъ поэтъ, но стихи для него служили всегда только формой, въ которую ему было удобнее облачать философскія мысли. Лучшимъ стилемъ.

зворотня его — панфлетъ. Началь онъ съ совершенно несвой-
ственного ему рода — духовнаго гимна и зороисувствитель-
одъ, одъ жодорнаго позова озрека, и переиель къ легкимъ
посланиямъ, эпиграммамъ и мадригаламъ. Но и въ зхиль
посланиамъ онъ высказывалъ свои мысли о религии, какъ
въ посланіи къ Ураніи, гдѣ ситно нападаеть на Христіанъ,
субо и позовъ защищаеть его прекрасными сужденіи, что
загравило издатъ это посланіе ранше подъ названіемъ Le
rom et le conte. На сценѣ онъ ранше мнѣль болгисею
газето цотать, начиная въ своей первой драгедіи. Эдиль (1718)
и оканчивая последнюю, Мрема (Tréne, 1778), между ко-
торыми мезиуръ промежутокъ въ 60 мѣть. Изъ двадцати-
шести драгедій его лучшія: Бруръ, Заира, Смерть Мезаря,
Амзира, Магомедъ, Мерона, Семирамида, Спасенный
Риль, Китайскій сирота и Танкредъ; суданскія: Марі,
анна (передланная изъ Арменія), Эрифила, Аделаи,
да дю Тескленъ (Adélaïde du Guesclin), Змика, Орсель,
Скионъ, Софронизда, Тедри (Les Fievres), Миносови
законы, Донъ Педро, Арабскіе, Олимпія (Olupis),
Казилина, Триглавираць — незаключательныя, ранше какъ
и комедіи: Нескромный, Блудный сынъ, Намика
и Шоуландка.

Всего 30 псееъ
Волтеръ не задумывался исказиать даже несомнѣнные
фрагты, если видѣль, что зхиль прямые досуживеть предъ
положенной цели. Онъ и въ драгедіи едѣлалъ болгисія,

За и прозубе

26 драгедій

4 комедіи

нововведений. До него (за ^{некоторыми} ~~некоторыми~~ ^{несклонениями}) французская трагедия без любовной интриги была немая, и она же болышую часть своих трагедий написала без любви. В Заире, — которую считалось главным делом зритель Волтера — отовывал на сцену французские герои, а в других писал даже китайские, американские и африканские; в Смерти Цезаря много вообще интриги; в Дрифидах и Семирамидах отовывалась зритель умерших. Но это были только вымышленные нововведения. Если Волтер и позволял себе отступать от буквы классического закона, то был самым строгим последователем в духе. Изъ всего этого ясно, в каких отъ ^{попечениях} Волтер сходил к древним и к Шекспиру. Волтер не знал древних, и поэтому говорил о них с самоувольнением, свойственной незнающему. По его мнению Мандрагора Маккиавелля сходил всего Аристофана; Кельский Роланд (Orlando furioso) — выше Одиссея; Свободной Иерусалим — Илиада; греческая трагедия хороша только для греков; но что знаешь Кригелия, Фредру, Алдрамату, Томас — французов, — того отъ не презирать и не зреть. В одном письме Волтер говорил: «все греческая трагедия, в сравнении с пьесами Корнелия и Расина — школьный ученик; в Афинах никогда не было такого множества людей со вкусом, сколько теперь в Париже» и проч. Тут же реданскую гордость мы видим и в суждениях о Шекспире.

1) По крайней мере, Paul Albert говорил: «Le chef-d'oeuvre, c'est Zaire». С.р. 184.

Когда Вольтеръ былъ однимъ изъ первыхъ французскихъ писате-
лей, обратившихъ внимание на англійскаго драматурга. Въ
молодости Вольтеръ признавалъ въ Шекспире талантъ; подъ
старость онъ называлъ его обыкновеннымъ дикаремъ, пошлымъ ка-
канымъ тлещикомъ, наделомъ въ лохмотьяхъ, малой
обезьяной, Оспитомъ, который впрочемъ, можетъ быть много,
да и Софоклоу, и среди грядущихъ канничей часо зворить герод,
геродъ котораго запекать величье; но Шекспиръ вообще
отличается крайнимъ безвкусиемъ и совершеннѣйшимъ не-
знаньемъ драматическихъ правилъ. Пять не много, вове-
къ зрѣло мнѣнїю Вольтера, драмы Шекспира едва ли на
вѣкъ съестъ еще сегодня, между тѣмъ какъ трагедїи Вольте-
ра исчезли со сцены, потому что каждая изъ нихъ сама,
сама для опроверженїя какого нибудь предразсудка, который
теперь не существуетъ.

Теперь въ мою задачу не входитъ болѣе означенныя,
варьса на разборъ эстетическихъ достоинствъ и недочетовъ
въ трагедїяхъ Вольтера. Задача только, что почва была вооду-
шевленїемъ разглаговствованїемъ и пренїемъ по части эстетики край-
не шаткая, что обязанности правилъ для этой категорїи
человѣческихъ произведенїи созданы очень трудно — да же
нельзя — и что споры по этимъ вопросамъ обикновенно
не приводятъ ни къ какимъ существеннымъ результатамъ.
У каждаго обшества и у каждаго столѣтїя — свой вкусъ, свой
эстетическая мѣрка. Если въ настоящее время нѣтъ не

1) Въ XVII столѣтїи во Франціи слишкомъ уважали Ари-
стофеля и грековъ, но въ XVIII ст. Вольтеръ ничего не
зналъ о грекахъ. Возьмѣте крайности!

мочуь дозавидяе удобоисервйя пссей французскаго класеисе,
 скаго феатра, го это вовсе не значить, что оны никуда не годятся:
 въ свое время оны нравились, оны дозавидили насладение
 цытливый поколонийивъ, на ниль боеспиралаеъ безъ нудиска
 просвотидельнаго периода, или восхоргалася салвие образованнйе
 люди философскаго вѣка, на ниль заснауривались, или загажи,
 валиеъ лица нъ салвие разнообразийъ общесувеннйе кружи,
 ковъ, — оъ Модовика XVI и по Робеспьера... Нѣкозорне измѣдо.
 вазели изверидатозь, что драматическйя произведенйя Волгера
 фенденциозны, что оны написаны съ предвздой насилью обли.
 чить зозь или другой предразсудокъ, разгрояиуе го или другое
 общесувенное заблурдение. Это совершенно вѣрно озное.
Зельно нѣкозорнйе пссей, написаннйе ниль въ послѣднйй
периодъ его литературной дѣятельности, во взорю половину
сполнѣйя, въ периодъ его пропаганды. Но ко вѣталь его пссей
 факого сурденйя прилагаетъ нельза. Трагедии, сочиненнйя въ
первой и во второй периодъ его жизни (въ 30-лѣ и 40-лѣ годовѣ),
 вовсе не написаны по фенденциозному рецензу. Правда, и
 въ ниль нѣ вѣрталася зираде прозвивъ фой или другой зра.
 дичии, вылодки прохивъ зого или другого заблурденйя; но оны
 изоипробанас, разсѣяннйе фалье и сѣль, и вовсе не вѣзекатозь
 нъ какой-нибуръ основной фенденции. Дѣло въ зомь, что
 слѣдуюеъ разлитаетъ въ жизни Волгера три периода, или
 по крайней мѣрѣ два поновиннйя: периодъ фалье называемого
пученилсозва и периодъ легендарнаго, назриарха съ двѣвоиской

удобкой. В первую половину своей деятельности Волггерк
еще не выступил на поприще пропагандиста и агитатора
и дорожил, гораздо больше чтить вспомоществование, чьео худо-
жественными интересами; он увлекался художественной
сторонай драмы, драматической техникой, построением и обра-
боткой сюжета. Поэтому — того, что называется тенденцией, т.е.
заранее составленной программой для проведения изведомых
философских, политических или даже научных понятий,
программа, под которую подгонялся и подматывался весь
сюжет, мы не находим, напр., ни в Зауре, ни в Акро-
ль, ни в многих других драмах. В это время Волггерк
еще не был до такой степени охвачен интересами
пропаганды, не был настолько увлечен делом философ-
ской агитации, как во вторую половину столетия.

Схранно, что Волггерк, желавший, как видно из
и писавший забавной сказки, не утратил ни одной
порядочной комедии. На это у него не доставало не таланта,
а зертвения, поэтому что комедия надобно хорошею об-
думана. Волггерк, одним из озорных и смелых людей нового
времени, имел очень мало чести как комический пи-
сарь. Он утратил под влиянием только сильной образы
мненья, а не сильных сродных характеров.

В эпоху Волггерк имел (по мнению некоторых из
следователей) еще мелкие призраки, т.е. в драме, хорошо
показав, что настоящие время всего мелкие благоприлично

для Эноса, — но злым не меньше отъ все-таки задумалъ напи-
сать такую поэму, гласящую козорию, по его книжкамъ, французцы
перевели бы завидовая нацидмъ, и многоцисимъ Тассо, Ариосто,
Данте, Камюсса, Кингзона. ^(Кингзона ет.) Иракъ, отъ написалъ Теприяду
и изъсвѣтлѣе изъ Пропискиль судихвореий — знаменн.
зую поэму — Орлеанскую драву. — Изъ свѣтлѣе дидактическихъ
зворений Волгера особеннаго замочанія залучиваюур: „По-
сланіе о философіи Козона“ (Épître sur la Philosophie de
Newton), „Поэма о естественныхъ законахъ“ (Poème sur la loi
naturelle), „Поэма о шибелі Лисабона“ (Poème sur le Désastre
de Lisbonne), „Речь о человѣкѣ“ (Discours sur l'homme), Какъ
уже сказано, во вѣдѣ видно подражаніе Лукрецію, Поне
и отгаси Томсона, какъ, напр., во Épître à Madame du
Chatelet.

За то во своихъ сказкахъ, во срикахъ и прозѣ, Волгеръ
неподразнаемъ. Главный характеръ генія Волгера — это зог,
поэръ и веноур. Онъ поэръ, но не увлекается взыкомъ боговъ,
а логеръ буръ пондзкамъ зид смерфамъ, логеръ наурамъ,
просвѣщаръ, снгаръ надъ предразсудкамъ, говориръ вездѣ
правду, и если иногда слишкомъ горькирся, то съ хорошето
пзтлѣто. Вѣтъ разсказы Волгера можно раздѣлитъ на два
класса, которые досказочно обозначаръ основными наирв.
исеніемъ „Кандида“ и „Турона“ (L'ingénu). Въ одномъ — по-
эръ еще логеръ вариръ въ природу человѣка, во другомъ онъ
сомнѣвауръ въ ней. Къ этому послѣднему роду принадлежаръ

II, Ди.
Дакун
ка

V, Сказк.

историй «Задина», «Принцесса вавилонская» (La Princesse de Babel, L'one) и кетско-маленских манров, вь родъ «Два утѣ»,
 «меченды» (Les deux Consolés); въ первому роду принадлежатъ
 «Искитонъ», «Исторія путешественн Скармантано» (Histoire des
 Voyages de Scarmantano) и «Исторія добраго браминя» (Histoire
 d'un bon Bramin). Последннй разсказъ вытекаеть изъ заимо-
 шественной мысли «Кандида». Браминъ, которнй много дружилъ
 и много училъ — несласливъ, похому то во вѣтъхъ загадкахъ
 Бариъ онъ знаеть одни только вопроса, а не оубытъ; добрая
 старуха, его соседка, — сласлива, похому то ей никогда
 не приходило въ голову заниматься подобными вопро-
 сами. А все-таки попомненіе этой женщины никто
 не предпочель бы попомненію браминя. Слассе для насъ
 конечно вещь важная, но разуть еще важнѣе. Какъ же
 разутьшнсь это произвортвіе? Такъ же какъ и всякое дру-
 го (il y a là de quoi parler beaucoup).

Вольтера часто сравнивали съ Лукіаномъ. Меншоуши,
 маетъ его формы, блещетъ пронцазальностъ взгляда, шаловліи,
 боемъ тонора, прелаетъ разсказа, искусерво одлекаръ научные
 вопросы въ легкія формы ильнхъ нѣчто подобное въ оерро-
 утннхъ насннннхъ дреннхъ саририка. Но Вольтеръ, да-
 же въ лучшнхъ разсказахъ, не достигаеть до высоты того
 комизма, которнй иногда такъ удавался Лукіану. Лучные
 недосаушки Вольтера явно просвѣчивають въ его сочиненіи,
 яль. Образование мнжетъ слдгнеть природные недосаушки,

1) «Mémorial ou la sagesse humaine».

но не уничтожишь ихъ. А Волтеру недоуваеъ хейлаго,
низнежнаго, днйеубвдлснаго юмора. Онъ саркастичеъ и нечеловеческ

3) Волтеръ, какъ историкъ. Разрабатываетъ историю, какъ
науку, онъ не мочъ; его пониманіе о наукѣ было обычнаго по-
нятія большого свѣта; ему недоувавало знанъ качествъ, козо,
рья мизинты, чтобы исторію свѣлаеъ насравническо чело,
вгчесува. Какъ историка, его упрекаторъ въ неосновательности
и опрометчивоеди; но онъ жилъ въ такое время, когда всякое
знаніе похидало безплодно подъ бременемъ истинности.

historia
magistra
vitalis

Почто человакъ съ заманчивою и остротами Волтера мочъ
броситъ новыи свѣтъ кризиски въ нравъ педантизма и даеъ
здоровому разсудку перевѣсъ надъ безмыслиемъ кокиль,
ций. Онъ показаль, — какъ стѣнно думать, что можно узнать
истинное положеніе вещей изъ трактовъ и дипломовъ, изъ
монетъ и генеалогическихъ таблицъ, изъ актовъ и оффициаль-
ныхъ извѣстій. Какъ не сраеетъ искажъ у Волтера исторіи
въ суроговъ смыслъ; но онъ умѣеъ замъ, какъ должно по-
зватьея франками, чтобы жизнь насроднаго днйеубвдлснаго
освѣщалаеъ мисувшимъ. Онъ умѣеъ, какими образомъ исторію
можеъ защищать боднаго и прироченнаго прозивъ бога,
заго и прироченнаго. Къ сознанію, онъ умѣеъ делить исто-
рию для собственой выгоды и выгоды своей школы, вѣ-
кій историческій зрудъ его мнѣеъ разсудителнъ чело;
Благодаря своему способу обрабатывать исторію, онъ расиро-
сратилъ свои идеи во всеъ кругу европейскаго общества

856
и засрабили ихать себя даже зять, которе называли его оуди,
сховь, потому что оны ухватъ излагает исторію чужо, легко
и заммательско.

Заслугою Волтера въ исторической науцѣ было во-первыхъ,
признаніе критическаго принципа, необходимости разобра-
ти и протвердить передъ міромъ здраваго смысла вѣрніе историковъ.
Дрѣвнѣ сакмыль преграженны были тѣхъ области исторіи худодѣ-
ствъ, сверхъестественной вѣтъмательства, и баснословной тра-
дици отдѣлены отъ исторической истины. Таково было пер-
вый шагъ къ серьезной исторической науцѣ, таково было
необходимое начало научнаго отношенія къ явленіямъ
прошедшаго. Излгодовавело президе всего мурно было осво-
бодиться и въ этой области отъ господствовавшихъ традицій,
взгляднуть просто и резко на факты прошедшаго, приложитъ
къ историческимъ данностямъ ту же вѣрку, закъ же критеріумъ,
который было прилагаетъ къ явленіямъ природы, одними
словами — виднеть въ прошедшемъ дѣла людскія, а не чудеса,
не диковинки, не волшебной небилызи.

Исторія Карла XII, изданная Волтеромъ въ 1721 г., не
исходитъ изъ какой-нибудь философской мысли, хотя философ-
скими мыслями наполнены все сочиненія Волтера. Напро-
тивъ того, авторъ заинтересованъ здѣсь своимъ героемъ съ доволъ,
но легкомысленной точки зрѣнія: сло преставитъ въ исторіи
Карла XII необитаемыя приключенія, громы сраженій, гран-
диозные планы и романтическая сторона шумной и

и бесплодной жизни. Но за то это сочинение было солидно подготовлено изучением оригинальных документов. Волтеръ легко разбирается въ запутаннѣе факты и даетъ намъ блестящій, интересный и блестящій рассказъ, отбрасывая ненужныя подробности и выставляя на видъ характерныя событія. Это было первое ценное сочинение во французской исторической литературе; здѣсь въ первый разъ соединяются Энциклопедія и галлерея, Мозаика и сфера, и мы выходимъ на новую изъ области нумизматическихъ коллекцій; сочиняются историческіе романы и неудобно — глупыя ученныя диссертации. — Исторія Карла XII превосходно рассказана, но не имѣетъ никакого призванія на глубокое значеніе. Это можно сказать и объ Исторіи Россійской имперіи при Петрѣ Великомъ (Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand). Волтеръ самъ сознается въ письмѣ своемъ къ Шувалову (оно 17 іюня 1758), что изъ рукописей, доставленныхъ ему русскими дворами, онъ черпалъ многое, что не могло прійти изъ французскихъ источниковъ; а Петербургскій дворъ, какъ видно изъ письма Волтера къ герцогу де Гогонна годской, и безъ того былъ слишкомъ остороженъ въ выборѣ представляемыхъ Волтеру историковъ. Въ законѣ же родъ и написанный по порученію этой герцогини Летописи имперіи (Annales de l'Empire). Они суть какъ хроники; но лекція справедлива, ибо являясь въ книгѣ 70, что книга лучше Волтера не утратила самое важное событіе заезжаетъ въ Эмиграция.

1) если говорить о сочиненіяхъ этого историческаго характера.

Московско-знаменитые Вячеслав Младодина XIV (Vices de Louis XIV),
 Рондере воспользовался всеми своими связями, чтобы собрать
 полный и точный отчет. Последние годы царствования вели-
 кого короля от казначейства много, а его богатая библиотека много
 дала ему случай разговаривать со многими людьми, и много,
 много прикосновение к государственным делам, посещая,
 много дворы или слывшие от своих отцов о бедного рода
 оригинальных и доверительных подробностях. Он просил
 двести томов печатных, и много; наконец, в качестве
 королевского историографа, от многого времени к государ-
 ственным архивам. Он также извлекал свои изощ-
 ренные и удерживал со всего возможной для него точности
 подлинное, истинное и важное каждого документа.

Словом, от так подготовил свое сочинение, что оно могло
 бы удовлетворить требованиям и современных историков.

С другой стороны, при чрезвычайной обширности бр-
 тего и ^{столеца} материала, от заглавием нас поразила необик-
 новенной ясностью своего языка. Он свободно обращаясь в ка-
 ждое событие, расширяясь, высвещая, уясняя подробности,
высвещая на вид существенное, связывая приемы с мето-
дами, описывая результаты, определяя роли, анализи-
руя характеры. Каждая его глава является образцом ле-
пости, сообразительности и умственной силы.

Там же самый доверитель снова встречается в Истории
Парижского парламента (Histoire du Parlement de Paris) и

въ „Очеркѣхъ вѣка Людовика XV“ (*Précis du siècle de Louis XV*)^{quinte}.
 Но и къ Эзиль зрѣдало можно припомнить знаменитую, высказанную самимъ Вольтеромъ, что во Франціи невозможно истинная исторіографія, потому что на историковъ все еще возложена
 дѣла двора, церкви и парламента; исторію пишущъ во Франціи
 такъ, какъ въ академіи коинлименца; нужно быть
 грезвѣтливо зацареннаго въ выборѣ словъ, чтобы кого-нибудь
 не оскорбилъ. Особенно исторія Людовика XV богата неправдоподобными
 прикрасами; Вольтеръ изобразилъ короля, основавшаго академію, какъ монаха изобразителю королей,
 которые основали нѣтъ монастыри. Но значение Эзиль сочиненій
 въ исторіи исторіографіи велико, потому что въ нѣмъ
 Вольтеръ даять уже не исторію однихъ царей, а во все
 время исторіи искусства и науки, нравовъ и образования
 цѣлаго общества.

Окончивши вѣкъ Людовика XIV, Вольтеръ снова взялся за
 труды по всемирной исторіи (*Histoire universelle*) и сильно по-
 двинулъ эту работу въ теченіи 1752. Въ 1753 и 1754 годахъ
 появились три тома его „Бражкой“ всеобщей исторіи. Я уже
 говорилъ о характерѣ этой исторіи, и легко понять, въ чемъ
 долженъ былъ заключаться ея непоправимый изъянъ: не,
 возможно отдѣлаться историковъ средними вѣками, иже
 заранѣе, въ силу рационалистическаго вывода, неприимри,
 миро бранду къ христіанству. Вольтеру недоставало силъ
 къ модаль, исторію которыхъ онъ писалъ; онъ осмѣивалъ

нго за нѣ заблудженія, за нѣ глупости и за нѣ бѣдствія. Онъ не замысляетъ нѣ сурреалистическя къ искуству и къ добру; онъ не понимаетъ нѣ, поэтому что онъ не подходитъ на него. Въ этомъ смысле, при неспособности выйти изъ круга своего соб. известнаго идей и идей своего века, Волтеръ былъ типичнымъ историческимъ гурь.

• Однако следовало оудать справедливою этому опыту Всемирной истории. Мбав многозначительности автора блестяща на каждой ^{св} страницѣ. Волтеръ расширяетъ свои изысканія по разнымъ направлениямъ и открываетъ неизвѣданныя области. У него безпримѣрно много еще очень неполно, но чрезвычайно интересная и новая для того времени изслѣдованія объ Арабѣ, Индѣ и Китаѣ. Онъ раздѣлываетъ предѣлы съ такой же широкой точки зрѣнія, какъ и въ Вѣкѣ Людовика XIV; онъ открываетъ великия открытия, которыхъ бы, нѣ способны производить перевороты въ цивилизаціи, не, земли сраженія и браки королей. Онъ пытался написать настоящую всемирную историю человеческого духа.

3) Волтеръ, какъ философъ. Разрабатываетъ философію, какъ науку, онъ такъ же не мочь, какъ историкъ. Въ этомъ Волтера такъ же были свои пробѣлы. Этотъ умъ могъ бы назваться верховнымъ совершенствомъ заурядныхъ идей. Нѣко. зорья великия вещи, быдъ возмѣръ — самая величайшая, были недоузнаны для него. Это было не метафизическимъ умомъ, а кто забылъ бы изложить трансцендентальную философію

Воксера, зорь сасралъ-би съ нивы сачуро зичо шурку (Лансовъ).
 Отъ биль мисель гувезва религи, размерветнаго и безконечна,
 маго; у него не было — какъ у нас сказано — неоригинального
 чужда, дара шире въ прошломъ и сивагъ съ симпатіями
 съ оудаленными поколѣніями. Зримъ объявлягься малая
 чуждего религіозной кризиски; отъ не умель понягь ни
 сущности Христіанства, ни его роли цивилизаци и цивили,
 задора. У него не было научнаго воображенія, способности
 создатъ плодотворную гипотезу, зоро оураженія оу себѣ, ко,
 зоро заедавлгь уренаго внишагь вѣтлы возраженіямы,
 примитивны сачие неожиданные факты и сачие невѣроят-
 ные результаты оура; отъ недоедагь оуцагь вѣло
 безконечноего своего невѣдѣнія и дерзко сравилъ грани-
 цы-возможности. Тѣмъ не менѣе философія сочиня,
 ния его гораздо выше неоригинальн. Но его философія —
 безусловно материалистическая; его мораль, политическая и
 политическая экономія, вѣе его урелленія ко реформамъ
 и ко общесветнымъ урелленіямы принадлежали ге-
 ловѣку, вѣе потощенія козорого ограничивалес
 насрощагь шурку. Вѣлодѣрвіе зоро отъ, бѣгъ можере,
 болѣе вѣтлы другилъ философовъ подгозовилъ современ-
 ную форму цивилизаци; отъ горяго аплодированіи бѣ
 гудесалъ прогресса нашего цивилизацинаго и практиче-
 ского вѣка, вѣдало рода изоброщеніямы, сѣтлабимилъ
 жизни болѣе легкой и прищной и вѣ зо зие время

Болше дѣйствительной и индивидуальной. Грандданскій кодекс, ламинка, швейцарская дорожка, электрический телеграфъ, ^{книгопечатарь,} телеграфъ, графика, френч и болшея магазинъ привели бы его въ восхищеніе. Та- кой философия необходима для бюрократовъ, инженеровъ, про- мысленниковъ и даже революціонеровъ.

Значительнейшія философскія сочиненія Вольтера слѣдую- щія: Examen important de Mylord Bolingbroke, Histoire de l'établis- sement du christianisme, - Dieu et les hommes, - La Bible commentée - Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, - Traité de Méta- physique, - Dictionnaire philosophique, - Lettres anglaises, - Le dîner du comte de Boulainvilliers. Наконецъ, сюда принад- лежатъ и Épître à Uranie.

Рационализмъ посредственныхъ натуръ, недосущивавъ для высочайшихъ идей, какъ и для великихъ сомысловъ, представляюща намъ очень узкія и очень поверхностныя. Болше широкая, справедливая и глубокая кризиса, - кризиса, не только рациональная, но болше научная, болше знающая и, въ силу именно этого, болше почитаемая и благославлен- ная, затмѣнила вольтервѣдскую кризиса. Но въ оправданіе Вольтера необходимо указать на два слѣдующія обстоятель- ства: во-первыхъ, онъ нападалъ не на идеальную религію, а на современную ему католическую церковь; во-вторыхъ, необходимо имѣть въ виду, что безъ Вольтера не были бы воз- можны Ренанъ. Своими непримиримыми выходками, оскорбленіями, клеветами и поверхностной кризиса Вольтера

возвратить намъ нашу свободу" (Т. Лансонъ).

4) Наконецъ, Волтеръ былъ гениальнымъ журналистомъ. Во Франціи, гдѣ власть была слаба, а общественное мнѣніе сильно, публицистическая функция должна была заключаться въ томъ, чтобы дѣйствовать на общественное мнѣніе, которое въ свою очередь дѣйствовало на власть; въ этомъ содействовала вся система журналистики XVIII-го вѣка, и эта система была создана Волтеромъ. Онъ держалъ общественное мнѣніе въ своихъ рукахъ; онъ игралъ роль и дѣлалъ изъ него все, что хотѣлъ; онъ дѣйствовалъ на своихъ современниковъ обаяніемъ своего чина, а также неожиданностью; онъ держалъ ихъ чина и имъ modo, нудило въ напряженномъ содействіи, въ вѣчномъ ожиданіи какой-нибудь новинки изъ Фрэнца; а откуда всегда появлялось что-нибудь новое и неожиданное.

Обыкновенными орудіями Волтера, какъ называемыми имъ разоруженіи блудами (godatons) и легкими пирожками, ми (petits pâtés), были брошюры въ нѣсколько страницъ. Сегодня Паризъ издалъ Бестюу Инцендану съ аббатомъ Тризелемъ, завтра — Рекринъ Китайскаго Императора. Всякаго рода сурани, ные проводники являютъ провозглашатъ иеритное ученіе: Пандуседръ принималъ изъ великаго севернаго города, зо рав, вить Акидъ, зо пресвященнѣйшій озеръ Алексей, архіепископъ Новгорода Великаго. Даше первыя выходили изъ могилъ: инценциаръ Доминико Запара, соиметный въ Валсвдольдѣ въ 1631 г., предлагалъ Богословать католической церкви иссердесдхъ

самъ вопросовъ, подрывавшихъ религію. Тизазели присуждено, были на обѣдѣ у герцога Булэвильера, высказывали, какъ насчетъ капучиновъ въ Валузо, давали инструкціи брану Педиколозо, охиралавшемуся въ Свѣрро землю, — тизали нис, ма, генсера Мелимуса къ Цицерону. Это была суранима процессія людей вѣталъ націй, вѣталъ цвотдовъ и бесвозмож, нитъ коезиновъ, являвшихся свидателсубовавъ въ пользу разума. Парисъ и вѣ Европа были наводнены маленъ, кими Бромгорѣми, подписанными изъсрнбали и наизвнел, ными, доисрвизисивили и франсирисскими естемали, какова: Дюмарев, Боллиндрокъ, Ю. М., Шампоне, докторъ Сорботны, аббату Бисне (Видел), аббату Базенъ и что плевнн, нитъ, духовники прцессаго король, и мноисеубо драгавъ неозиданнайъ авзоровъ. Пронизазельские люди кесидлен, но не гадывали по нискозоритъ притворитъ, Сфернейскуо фадрику; Вонзеръ оурекался, но это никого не обманн, вало и вѣтѣ забавляло. Бромгоръ его часо естималис, но это нискочтко его не зревоситло.

Крижики.

Влѣднѣ Вонзера на мизеражуру, на цибинизацію своего врекети — огромно, но значеніе его оцѣннвалотъ различно, смозря по формѣ, къ какой парціи принадлежалъ его крижики. Такъ, въ до вреид, когда клерикаль и реэроградъ Мозеръ де-Мезуръ, осматеръ его проклядіями за вылодки прозивъ религии и воззваніе: écrasez l'infame, но не смѣветъ не при.

Французская история литературы XVIII в.

знает его гения и говорить, что готовь воздвигнуть ему срачно
ручного палата, — Сень-Марк Ширардень губернствует, что онъ
Вокзерь — писалъ всегда уважение въ справедливости и чинан,
носки. Онъ защититель Каласа и велье преследуемый, но
въ то же время защититель и Людовика XIV и даже регента, заса,
дившаго писателя въ Баскулию. Пейра пишетъ о немъ слѣдую,
ющее: „Говорятъ, что Вокзерь не любилъ народа и никогда
не думалъ о томъ, чтобы простоять его. Но неумный губернств
писателя къ народу видны во велье главныя его произведе,
ния. Чтобы простоять народъ, Вокзерь пишетъ во велье
родать въ прозы и стихи, въ историческыя и философскыя
сочинения. И онъ не ограничивается словами и не гадаетъ онъ
действовать. Онъ освобождаетъ вокругъ Орлеана всего множество
оу беднаго гнѣза, создаетъ цвѣтущий городокъ изъ маленькой
деревушки, даетъ хлебъ и помощь рабочимъ... Его обвиня,
ютъ въ недоверчивъ патриотизма, но никто слышать его не
любилъ Франціи. Онъ перетсаваетъ съ королями, но для
того, чтобы проповѣдовать ште благородствіе, зерни. Коже,
любовь къ обществу и благоуханію, уваженіе къ
народу и его правамъ. Три года хлопоталъ онъ одъ оправда,
ній пажару Каласа и говорилъ самъ: „во все это время, слы
лито случалось улыбаться, а слычалъ эту улыбку преслушаніи.
хмъ“. Враги не прощаютъ ему и потому того, что онъ защититель
и простоять народъ, задавленный налогами и несправдими.
востро; ему не прощаютъ цвѣтущей войнѣ его прожить франкизма.

незертливости, суетности. Умирая отов оставил нам, какъ
самъ говорилъ: „кошеницы и капилонъ, чтобы поднимавъ
зубы и обдерматъ кожи гудовицы“.”

30 мая 1872 г. Париж и вся Франція встрѣтили нацио-
нальнѣе горнищевомъ столотного годовицину смерти великаго
писателя. На громадной сходки, въ здравственой залѣ, Ситодерь,
редакторъ газета „Рѣпублике“, говорили о Волгзере между про,
гилье слѣдующее: „Давне землет, черезъ сво мюль поелъ его смер,
зи, мы долонна были борозся для того, чтобы, соиделъ во мля
Волгзера, назваръ его однимъ изъ величайшихъ благоделей
палобтвоекъ. Но самъ Волгзеръ сказалъ, что борба — это
пригитна и цотъ жизни. Не въ первый разъ мѣлнмъ
Волгзера воздурндаеръ крики ненависти. При концѣ ре-
волюции его оскорбляли Шагодриана, Гоналдъ, де-исурр.
Резаврация выдросила его зило изъ Пантеона. Но Волгзеръ
всю жизнь былъ апоеломъ справедливости и дерпикости,
благотъ войны и франкузма.“

Вше лучше опредѣлили значеніе писателя Виктора
Гюго и возъ мѣкозорая главна мюща его рѣчи: „Сво
мюль золу казадъ умиралъ человекъ. Онъ умираетъ бозверу,
писиль, обрѣменный годани и произведенійми. Восемьдесятъ-
геруре года жизни этого человека занимаюръ промешурокъ
между монархичесо въ ея апоетъ и революціонно при ея
заросиденіи. Колонелъ его видѣла послѣдніе муръ вели-
каго пресерона, гробница — первое оублески великой пропасти,

1) Газета „Ассенис Националь“, отъ 28 января 1867 г.

въ козору обрѣшилось все это. До революціи общесудебное устройство
 было таково: внизу народъ, надъ народомъ — религія, представляемая
духовенствомъ, подлѣ религіи — правосудіе, представляемое судебною
властью. Но народъ въ эту эпоху представлялъ небывшее, религія
была неискренности, судъ неправосудіемъ. Тогда Вольфгеръ
 началъ процессъ прозвѣ судей и выслалъ его. Въ это время
 общесудебное шло веселого и беззаботного штилью. Въ Версалѣ,
 при дворѣ были каждый день праздники. Буфлеръ, Манциль-
 Бернаръ писали хорошенкіе сришки. Вольфгеръ видѣлъ это
 испорченное дворянство, эту ослѣпленную массу, злилъ умас,
 нилъ судей, раздѣляющихъ народъ, чтобы сдѣлать на колѣнѣхъ
 передъ королею, это духовенство — ельте мизантропъ и фанатизмъ,
 ма, и объявилъ войну этой коалиціи общесудебнаго неправды.
 Оружіемъ его было перо — легче вѣтра, но поразившее какъ
 молнія, и отъ побѣдилъ злилъ оружіемъ въ борьбѣ массы
прозвѣ силы, разума прозвѣ предразсудковъ, правды прозвѣ
исти, угнетеннаго прозвѣ угнетателя. Отъ побѣдилъ ера,
 рше законы и старые догматы, феодальскаго барона, средне,
 вѣкового судью, римскаго священника, изъ массы создалъ
 народъ. Отъ обдувалъ, примирялъ, цивилизовалъ, переносилъ
 весь умаси, весь оскорбленій, весь гонимій. Отъ былъ непокасе,
 билъ и неутомилъ, поразилъ произволъ насмѣшкой, деспотизмъ
— сарказмомъ, непогрѣшимое — пропіей, упрямство — насмѣ,
чивостью, небывшее — нежитью. Въ насмѣшкѣ — все Воль,
геръ. За вѣкомъ Людовика XIV слѣдовалъ вѣкъ Вольфгера, но

Волтеръ беретъ главы страны, онъ глава идей. Съ Волтера на-
чинается новый циклъ: человѣкообразное политическое управление
мысль. Цивилизація, покоряющаяся силѣ, поднимается раз-
уму, идеалу. Для каждаго прогресса соединить въ одно, тобы
пользоваться правами человека и исполнять долгъ гражданина,
ника. Теперь силу называютъ насилиемъ, войну — убійствомъ.
Человѣкъ имѣетъ право на жизнь, на свободу совѣсти и
убѣжденій, на господство разума, на свободу трудоу, на благо-
дѣяніе мира. Вотъ эти идеи XIX вѣка заронены въ немъ
предсѣдательствомъ XVIII вѣка, Волтеромъ. — —

Волтеру отдавали справедливые и гениальныя чуждыя,
земцы. Вотъ что писалъ о немъ Тейе: „Неудивительно, что
Волтеръ представилъ себѣ безъ сопрозвученія всемирную монар-
хію надъ умомъ; да же тѣ, кто имѣлъ на нее право, признали
его превосходство и сдѣлались охотно зольско вельможами
въ его имперіи. Слава его пронеслась отъ одного полюса до дру-
гого. Волтера считали величайшимъ писателемъ послѣдняго
вѣка и, когда бы, да же вѣкъ вѣковъ; въ немъ
соединилось все разнообразіе таланта, все силы гения, все
великія мысли.“ Тейеръ. — —

Наконецъ Александръ Веселовскій пишетъ въ своей сра-
жѣ „Волтеръ“ о немъ слѣдующее. „Вотъ сердце здѣсь, духъ же
его разлилъ повсюду“ (son coeur est ici, son esprit est partout)
— такъ гласила надпись въ приемномъ салонѣ френзійскаго
замка, придуманная преемникомъ философа. Слишкомъ

через его море она не утратила искуств. Во многих мур.
 тиль суремлениях нашего века все еще гудевуея тибви,
 земное влияние почта энергически приидяго на себя
 Вондзеровъ; нѣмецкіе члене въ обилииныхъ жраказаль
 прославляють его жент, какъ реформатора уголовного за.
 конодательства, смѣлаго прозвника пытокъ и смертной
 казни; историкъ вырожденности сводить ему и въ этой
 области почтенное место. Въ такихъ заслугахъ передъ чество,
 тельство Вондзеръ не пережалея жить, ложь бы въ его прои.
 мость и было не мало ошибокъ, и изъ многочисленныхъ
 его произведений тиль покрываетъ уже забвеніемъ. Такова
 бжорая, иногда лучшая жизнь великаго писателя.

Такъ все до сихъ поръ конно тиль! И здѣсь, какъ и вѣду,
 многое изжито и исчезло, новыи муръ сложился на
 развалинахъ прошлаго, а павидго жель блесудящель чръ,
 которий никогда озарель все чествоельво, невредима, не,
 смодръ на все похвужди чталитъ и искаитъ ее.

„Въ икпировизованной фрэнзійской музеи есть
 любопытная картинка конца прошлаго века, Le rŕinix
 renaissance de ses cendres. Вокругъ большого коура, на козо,
 рошь почлають груды книгъ, въ дикомъ вохоржтѣ, хлопая
 длинными ушами, пидмуръ цталитъ хороводомъ осли,
 они уже жорисельворъ подбоду, — а изъ пѣла возносивъ къ
 небсамъ френисель.“) Наконитъ Точурель

Влияние Вондзера не уменьшается и до нашихъ времени,

1) Je vais droit au fait — c'est ma devise (Я иду прямо къ факту —
 это мой девизъ) говоритъ Вондзеръ.

и шло его охранять безмерными силами больше, что его провозвешенія помогли Франціи освободиться отъ презимья предразсудковъ и злоупотребленій."

Руссо и его школа (1712—1778).

Самыя замѣчательныя предсавительныя французская литература и философія XVIII вѣка, поимѣ Вольтера, были Монтань-Жакъ Руссо. Въ немъ французская литература XVIII вѣка нашла свое полное и блестящее завершенье. Поставленіе законъ личности, какого было, "исключеній грехи, дачинъ", указывало на возможное иди мензиторско дачте воззрѣній и предразсудковъ, которое господствовало въ эпоху просвѣщенія. Монтань-Жакъ Руссо помялъ всю сухость и недоказанность образованія его времени; прозвѣ господства разума онъ высказалъ съ зредова, нидми сердца, прозвѣ Обществу онъ высказалъ зредованія Природа. Музыкалъ Руссо сзаноуиелъ защитникомъ чловоческой совѣсти, борцемъ за правдуверное, будущую жизнь и Провидѣніе. Онъ помялъ дачне философовъ энциклопедичесовъ и вывелъ отрицаніе иль принциповъ изъ самого развѣія зрѣвъ принциповъ. Онъ былъ болѣе дригилъ независимъ и болѣе, чѣмъ кто либо, отрицалъ традиціи, дисциплину и правила; онъ былъ открывиль и крайнимъ индивидуализмомъ, испробовывиль дачне послѣдніе барьеры, которые еще чтили, два послѣднихъ аброриза, — разумъ и званіе жизни.

Ужаконечъ, по Антонію Теддера, какъ въ Свѣтлѣ и Тонранѣ Бѣне, какъ и въ Вольтеру можно отрицати превосходное слово апостола Павла: Если я говорю въ каки чловоческими и ангелескими, а любви не имѣю, то я — мѣдъ звенящая, или жинвалъ звучащій. (Первое посланіе къ Коринѣцкимъ) 13, 1.)

не легко возсоздать такой характер, и неудивительно (по мнению Алексея Веселовского), что биография Мамь-Мама еще не разработана до таких мелочей, как жизнеописание его проливника Волтера. Тонкое психологическое чутье и безпристрастие одни только могли бы вывести безусловно верное суждение ох множеству проливотопознать друг друга оценок характера сложного, организма глубоко большого, нервно размазанного, человека великого и во то же время безконечно несчастного: Но, президентом выслушать самого Руссо, мы далекие познавательная его описанию и издержного деятельности.

1712-1778. Мамь-Мамь Руссо (Жан-Жак Руссо) родился 28 июня 1712 г. в Женеве. Мать его, женщина образованная, умерла родая; отец был часовщик, несмотря на свое трудолюбие пропивавшийся со дня на день. Мать, пер. вид, сильный впечатлительный воспринимал мальчик в среде патриархально-демократической, республиканской, сурово трудовой и простой, в доме рабочего и честного гражданина. В дальнейшей деятельности Руссо постоянно слонялся огромные идеи и порядков, с которыми он встретился еще в детстве. Тонко сурового облика человека, часто принимавший участие, был бы сражен в чужой француз времени Людовика XV, но воплотил философия был у кальвинизма-женевца, всею душой привязанного к родине. Ответливый, безукоризненный отец и не в

которую губевизидная мать сложили характеръ сына. Рано
 умертвурю мать плохо замкнули малышку двѣ его добрыя
 зерки. Все привязанное отъ сосредоточилъ на оцѣ, били
 съ нимъ неразлучно, и во время его работы читалъ величье
 или французскіе романы, горячившіе его воображеніе, или
 героическіе прозаики Плугарха, или же, въ минуты напруд,
 женой религиозности, Библию, чносившую крестъ малышка
 къ самому Богосуду, почили въ вѣтъ дойказовъ. Такими
 образамъ Манъ-Манъ воспитывался, легкомысленнымъ оу-
 цомъ, оуцманывавшимъ ему голову романами, за которыми
 они оба просиживали цѣлыя ночи, пока, первые крики
 младенцевъ не напоминали имъ, что пора было сна. Въ
 1722 г., его оцѣ, послѣ какой-то неблаговидной пещорин,
 долгие били покинулъ Мелеву; отъ оставилъ своего сына,
 которымъ больше уже почти не занимался, на попеченіе
 дяди Бертара, человѣка, преданнаго удоволсудьямъ, и его
 оузой и набосной женой; они оудали реденка въ пансіонъ
 пещора Ламберета, въ Тоссе, возлѣ Мелевы, у подошвы Са-
 льва. Здѣсь обозначаются первый черты характера Руссо, —
 его любовь къ деревнямъ, къ селеской жизни, къ природѣ.
 Воспитаніе пещоринаго не было, и Руссо впоследсудвіи горско
 жалалъ объ этомъ. По возвращеніи въ Мелеву, его почили,
 счили сначала къ одному секретарю суда, но зоръ прогналъ
 его, позволю къ одному граверу, которій со биль и у котораго
 отъ воровалъ спарку и яблоки; въ это время Руссо оуражно

убискался тителем; онъ началъ свою голову вѣшать,
 что находилось въ составной библіотекѣ, несмотря на то, что
 его хозяинъ сжигалъ все книги, которыхъ попадалъ
 въ его руки. Мамъ-Мамъ губевовалъ себя несчастливъ,
 но случай освободилъ его: однажды, поелъ цыганаго двѣя,
 проведеннаго въ скитаньи за городомъ, отъ наемель во-
 рога Мелевы заперфорил. Онъ принялъ это за видное
 указаніе Провиденія и, боясь наказаній за позднее возвра-
 щеніе домой, бѣжалъ отъ оръ послѣднійго ^{своего} Хозяина. Одно,
 образный ходъ мѣсячанской жизни скоро опровергивель рого-
 разбившагося ребенку. Онъ ^(назадъ изъ) повель скитантескую жизнь
 и два дня бродиль, не зная куда двѣхся; наконецъ, пришель
 къ одному кахольскому едиченнику (въ Савойтѣ, 1728 года),
 который, призвавши его на ночь, послалъ его съ рекоменда-
 цельнымъ писемомъ къ г-нѣ де Варенъ (Waren), въ Анжесѣ,
 къ дачѣ, занимавшейся обращеніемъ въ кахольскую и также
 бѣжавшей изъ Швейцаріи и оръ кантонизма. Эта сердо,
 бѣжная покровительница всель новообращенныхъ имла
 маленкихъ пансиономъ, который король сардинскій
 назначалъ всель новообращенныхъ. Она радужно берр-
 зила молодого гуретоза, которому, кромѣ рекомендацель-
 наго писма падре, служило рекомендаціей ^{его} прекрасное
 личико, и она, еще молодая и красивая, произвела силь-
 нозитное впечатленіе на юного, обласкала и пригрѣла
 его. Добродушная, но слабая и ограниченная женщина

принимает хлопотать об обращении юности. Для подго-
 зовления къ перемѣнѣ религии она отправила его въ одинъ
 Туринскій монастырь, гдѣ отъ него легко позволилъ образовать
 себя въ каролинскую. Отъ не успѣвъ и замѣ. Его вкороче
 послѣ того выпроводили изъ монастыря въ двадцатью фран-
 ками въ карманѣ, а за это не много уже не заболѣлъ
 о немъ. Пополнение его стало безнадѣшнымъ, чѣмъ президе.
 Намъ новообращенный слонялся по улицамъ Турина,
 прислушиваясь на королевской мессѣ, гдѣ впервые про-
 бурилось его музыкальное чувство, и, какъ какъ ему надо
 же было читать-нибудь шире, то поспунилъ въ лавки
 къ одной знаменитой старухѣ, рѣшилъ замѣ на воровство
 и обвинилъ въ немъ невинную служанку, которую за
 это прогоняють. Самъ Руссо рассказываетъ, что предметъ
 этой покражи была шелковая ленточка; но другимъ
 извѣстнѣе - отъ украсть бриллиантъ. Въ 1728 по 1730 годъ
 Руссо находилась на службѣ у графа Турона. Тогда обратилъ
 вниманіе на его умъ, замѣчательная способностей и пріобрѣ-
 тенная случайно познанія; его господство занимало его
 нѣ; но Руссо и туль оказался недоедойнѣе милостей
 своего покровителя, замѣрилъ ему самой бездѣльной не-
 благодарности, а быть изгнанъ изъ аристократическаго
 дома, когда осмѣлился признать въ любви молодой
 графинѣ. Кроме того ему надобно регулярная шире,
 отъ присоединяясь къ некоему авантюристу Баклю

изъ Меневеи, и они вѣнчаются потомъ оидутъ бродячь по свѣту.
 Но черезъ нѣсколько недѣль Анниси и М-те Варень (Варенъ)
 снова привлекають къ себѣ Руссо, и онъ покидаетъ своего
 компаньона; его безрочно радичко и похвалою цуронитъ
 его каррьеру. Тамъ Варень заимаетъ его образованіемъ, думая
 отдать его селгскимъ свѣщенникомъ, оудала сначала въ сели,
 парисо, а затѣмъ поитхнула у себя, накупила книгъ и сама
 передавала ему иль содержаніе или заставляла его иуду,
 тахъ иль. Мало-по-малу Руссо привязался къ ней; ахъ
 ознакомились перешли въ любовь, иитхвншо съ ея сгорони
 оутопикъ мазеринской снисходительности и заботы. Всегда
 воспоминалъ отъ съ благодарности о въ зрннхъ счастливыхъ
 годахъ. Но попытка пригоровитъ его къ духовному званію
 не удалася. Лучше пошли занятія музыкой, и онъ даетъ
 уроки музыки, не зная ея. Но черезъ нѣсколко брени
 Руссо оидутъ иудился сурасхрвоваць, вичесть съ какимъ-то
 бродягой, выдававшимъ себя за гресского прелата и арки,
 мадриза керудалимского. Его безпокойной характеръ
 пониръ его въ Мюнхъ, въ Лозанну, въ Невшагелъ, въ Паризшъ;
 похонъ поехунилъ воспитателемъ къ молодой швейцаръ,
 иуду, но скоро оидутъ возбразилъ къ своей неизтнкой бла,
 подгозелшницѣ ^{Варень.} (Которая перенесла своего резиденцию, между
 зомъ, въ Шамбери. Всякій разъ, когда, вельдсудіе своего
 недлагоразумія или легкомысія, онъ оказываеця на
^{Меневеи} шоезобай, его мысли снова обращають къ его, таманъ.

Большая дорога, длинное переходы, открытые горизонты, неизменные почасы, случайные вертоны за уминомы, ноги подь открытыми небомъ приводили его въ восхищеніе, отъняли его, наполняли его душу неизгладимыми впечатлѣніями. Тѣмъ не менше надо было жить; предумоужи, желанная "матан" отдала изъ своего бродяги слушающаго при земелномъ кадастрѣ; но это продолжалось недолго: отъ него обратился къ музыкѣ и бралъ учениковъ, прерывая своего дворянскаго курса оцурдываніи и путешествованіи.

Загвоздь Руссо зиня нѣсколко лѣтъ зиндой, ниптѣмъ не возмущимой зиндого, сначала свонки зрудали, но позомъ заидяя его уромии и отъ вернулся на даровое хитбѣ г-ни де Варенъ. Онъ зинивался въ добромъ согласіи съ садовни, поимъ Клодомъ Аме, пользовавшимся вѣнгеръ съ нимъ покровительствованъ мадамъ де Варенъ; но по смерти Клода Аме, его замѣнилъ швейцарецъ Винкесридь, сдѣлавшійся чинъ-го въ родѣ дворецкаго. Руссо не поладилъ съ своимъ новымъ зоварицемъ, и съ этого момента начинается охладѣніе между нимъ и М-те де-Варенъ; въ это именно время отъ проводилъ зри восхищеннаго мѣста (1738-1740 г.) въ деревнѣ г-ни де-Варенъ, Шарнеуахъ, возлѣ Шамбери, гдѣ находилъ почти поеродиню одинъ и перевозилъ себѣ стениемъ всякаго рода философовъ, педориковъ, жено, говѣ и поззовѣ. Въ Анисеи углубился отъ въ англійскій Спектаторъ, въ Пурфрендорфа, Семъ-Звремона, въ Темрияду,

379¹
в Бэйля, Ла Бройера и Сент-Ромерико и наконец присвоить
себе звание аббата в Бэйль (Gaimé) уже зародивши злого рели-
гиозного убеждения, который онъ позже въ январь этого
своего приезда написал въ Profession de foi du vicairé
savoyard. Теперь здѣсь онъ принялся за изученіе маге,
магии и лезгии, прогнул Локке, Лейбница, Маль,
Бранша и Декарта. Онъ выходилъ откуда вооруженнымъ
и готовымъ къ борбѣ. Его умственный складъ начинающъ
опредѣляться, одишь естественнй дворянши, де Конзе, гасро
видѣвшій его около 1738 или 1739 г., замѣчаетъ въ немъ
эгоистическую любовь къ единенію, ... вроденное
презрѣніе къ людямъ, явную склонность порицать
ихъ недочетки и слабости, ... походящее недовѣріе къ
ихъ чужеземцу. Въ Шармужаль-те онъ написалъ свои
первые опыты. Наканунѣ послѣдняго мѣсяца, проведенна,
го далъ, онъ Бюль некоемъ мѣсяцѣмъ доказавшимъ уже
земель дворян Мюнхского городка старшиномъ (le grand pre-
vôt), господина Мабля, у котораго онъ не счелъ себя красть
хорошее вино; онъ еще не вполне установилъ тогда по
отношенію къ нравственности.¹⁾

Наконецъ, онъ уезжаетъ въ Парижъ (1742), послѣ
окончательнаго разрыва съ М-те де-Варенъ, у которой явился
новый другъ сердца и дѣла которой все болѣе и болѣе раз-
страивались; съ зрѣль поръ, въ нѣмъ родились стоненіи
другъ съ другомъ, роли перемѣнились, и уже Руссо оказывалъ

¹⁾ Также просила молодое Руссо въ разнообразнѣ приключеніяхъ
и странствіяхъ по Швейцаріи, Савойи и южной Франціи.

иногда небольшого помощника своей подружке, закъ много сдѣлав-
 тей для него. Бѣдная женщина, вѣрно опущенная долгами,
 процессами и прожектами, умерла въ 1762 г.; это была невполнѣ
 нормальная, сварливая ^{занимавшая} ланша и нелюбого авантюристка;
 репутация ея не потерпѣла бы какихъ большихъ уроновъ,
 если бы Руссо не вздумалось испробовать во вѣсть просеку-
 какъ какъ своихъ собируемыхъ, закъ и жить людей, съ ко-
 рыми онъ сражался.

Неполное сретение въ дамъ снова увлекло молодого
 человека изъ его мирнаго приюта. Паризь манилъ его про-
 бужденіемъ умственной жизни, онъ счастливо быль бы уви-
 деть Вольтера, а возможности забыть свой музыкальный
 талантъ, посягнуть свои оперы и двинуть свой проектъ пре-
 образованія нурной сцены кружила голову человеку, еще
 не вѣдавшему, въ чѣмъ скрывается истинная его сила. Въ
 Паризь Руссо привезъ съ собою пяднацать симфоній, комедію
 Нарцисъ и новую систему знаковъ, козоровъ дѣлѣ,
 на была дразнитъ ему славу и богачество. Но ему скоро
 пришлось разочароваться. Въ это время онъ свелъ первую
 литературную знакомства съ Лариво, Мадли, Фронселлемъ
 и Дидро. Ему приходили въ голову странные планы. Но
 онъ хотѣлъ сдѣлаться суративующимъ декламаторомъ, за-
 зарабатывать хоть ремесломъ актера. Наконецъ, онъ ре-
 шилъ писать оперы; но его, Muses galantes не имѣла
 никакого успеха. Мракъ, въ мирѣ музыки и театра онъ

потерпел сначала неудачу, но получил, благодаря знающей
 покровительнице, место секретаря при посольстве в Вене,
 где и из чиновника превратился в дипломата (в 1743г.).
 С интересом вглядывался он затем в особенности в эпоху
 аристократической республики и с этой поры не переста-
 вая обдумывать важнейшие политические и обществен-
 ные вопросы. По его словам, отсюда же надросла
 мысль большого политического разсуждения. Но скоро
 ее посланником (Монтегги) снова вернула его в Париж,
 чтобы его сватьей и оригинальной комической оперы, Дере-
 венский колдун ^{не} помогло ему выйти из служебного по-
 ложения, и он все еще возился на чердаке близ Сор,
 Бонны. Он начинал переписывать книги, чтобы зарабо-
 тать кусок хлеба. Но еще за время своего предвещаного
 пребывания в Париже он приобрел себе друзей обого-
 того. Ему было тридцать лет, у него были маленький
 взгляд и интересное лицо; несмотря на его поздний,
 тусклый цвет лица, симпатии шли ему на встречу. Дидро
 предложил ему писать музыкальные сцены для Эн-
 циклопедии. Он продолжал для двора одну пьесу Вольт-
 ера и оперу Рамо. Наконец, он получил место секре-
 таря у генерального озвучивателя, великого князя Понем-
 жера, в дом которого покорно исполнялся его музыка, и
 его обязанности состояли в исправлении сочинений озвучи-
 вателя и его жены. Он срановича и секретаря м.тс Дюпона,

сына козрой, генеральский охотничий браммейс, которого
 взял его к себе кассиром; это обещало уже богатство.
 Но Руссо итак нехитрую деликатность отказался от
 обязанности, к козру не возбуждал расположения,
 и с ним всегда было солидное и гордое презрение ко
 денегам, и мы не должны приписывать одной кивлювери
 эту довольно редкую добродетель. Между тем Руссо за-
 нялся и самостоятельными изобретениями и сошел с Кот-
дильякомом, д'Амбером, Райналем, Триммом и Том-
Бахом; он даже пробовал вместе с Дидро издавать
 журнал "Резигланс", — но издание ограничилось только
 одним номером. В 1745 г. началась связь Руссо с
 Терезой Левассьер. Она была служанкой в одном из
 парижских резорансов; Руссо жил с нею до самой
 смерти, хотя очень долго не признавал ее своей супру-
 жкой. Это была женщина замка ограниченная, что не
 могла запомнить названий двенадцати месяцев, ни,
 когда не могла выкрикнуть ни одной цифры, да еще не уме-
 ла считать деньги. Но Тереза как близко подходила
 к его любимому идеалу, "природного состояния", — что
 он не задумавшись взял ее даже с приданой отражен-
 ной маленьки и больного отца. Тереза не ^{за}медлила
 доказать Руссо, что он поступил необдуманно, сба-
 забив судьбу свою с существом до потмоги глумившим.
 Наконец необычайная удача первой диссертации вырвала

по пути этой бодной обертки. Никому неизвестной на,
 капуты, они стали знаменитостью в один день. Но именно
 в этом лежала опасность для этой необыкновенно гордой
 натуре, знаменитости своей искренностью: ставши, благо,
 дара своей книги, в известное положение перед публикой,
 они начинали сгущать для себя вопросы: чести оказавшей
 на высоте своей теории; они начинали оригинальничать
 до невозможного. С той поры они перерождались, даме то
 вышесказанной, сбрасывали парик, не носили шляпы, бляшки
 гудков, золотые часы, и вылезли с галлом острок,
 едят с презрением острок, находившего светского го.
 на. Появляется в салонах в простом наряде, они го
 хранили безмолвие, до неожиданно разразилась беседа,
 ми парадоксами. Его суровость создала ему репутацию ори.
 гинала, и, желая быть последователем во всем, они
 поддались искушению, приведшему его в ту пору почти
 к выполнению обдуманной роли. Грань между светским
 человеком и суровым проповедником была у него тогда
 слишком ^{тонкая} хрупка; со временем го, то было лишь неиз.
 бажимым следствием раз призраго положения, сши.
 лост с философией, который не случайными вестниками,
 а вельми существовали своими проникая сочувствием
 идеями равенства. Впрочем, Руссо уже возмущал на
 зорь пур, как го, го попал в салоны. Они не знали
 жизни; у него не было ни светских манер, ни светского

зона; самолюбие его страдало, — и воле, чтобы не казаться сныи, нойсь, онъ увѣщенно становился грубымъ и дикимъ. Кроме того, онъ всегда оставался бродягой, мушкетиромъ въ тисоты воздуха, голубомъ небе, прогулкахъ по незнако- нымъ мѣстамъ, неожиданно охраживъ лѣсныхъ полянъ, какъ или солнечныхъ закатахъ. Вѣздѣхъ этого онъ съ восгоромъ рѣшился покинуть эту мраморъ, мѣрадохъ, нѣтъ, оглушительный и поражающій Парижъ; его друзья философы, не надѣленные буржуазскими температурами и жившие при евокаль, какъ рыбы въ водѣ, ничего не понимали въ эту прикучку, выжали его удерми. Вѣтъ и эту фолско озоркуми его оръ себя. /

Въ это же время (1753 г.) Руссо въѣхалъ въ Женеву. Созидане приняи его какъ почтеннаго гостя. Для воз- становленія своихъ гражданскихъ правъ, подерживавъ къ приидзель кафолицизма, Руссо снова едталелъ по- слѣдовазрелель Камовина. Съ эту пору онъ во вѣдѣ своихъ сочиненій давалъ себя зичуль, женевскаго грами- данина (Citoyen de Genève) — и взорую диконскую диссер- тацію посвятивъ магистрату своего оземсва. Возвразивъ тинет во францїю, Руссо живези ондъ въ Парижѣ. Замк- живъ, что Руссо понравилась одинокая жизнь на краю лѣса въ Момморанси, и что онъ съ радостью повель бы зуръ жить оземельника у воровъ еволицы и близко отъ друзей, наиболѣе расположенная къ нему изъ салонныхъ

знаменитостей, жена генералского охотника, 2-я г-жа д'Энне,
 в короткое время съудила замечательный сад с прекрасными
 домиками на пяди или шести кознах, с огородами и ручьями,
 кои, прожекавшись в конце ее парка, и предложила его
 Руссо. Миссис Бенкетт в нем подозревала, эта
 дача всей последующей его жизни; его хозяин поработорил...
 и отъехал к г-же д'Энне разное письмо, которое, однако,
 не помышало ему векорты, когда недоразумение раздало.
 мось, поселился в Эрмитаже (какъ отъ названъ новое
 убожество) и на время повелелъ жить безвременно Руссо.
 переехавъ сюда с своими книгами, клавиатурами, Терцою
 и сгарухою Лебассера; это произошло в апрель 1756 г. въ раз,
 цвѣтало первыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Мось было воелицы,
 желное: позади селскаго домика, названнаго Эрмитажемъ,
 раздался мось Монморанси со своими полянами, горо,
 пшеницами, гацами и провотами, деревьями, кустарниками,
 ми, пчелами, пчелами и ветками болшевики прелеся,
 ми. Но... но мадамъ д'Энне любила своего философа, своего
 медвѣдѣ; она безпокоила его, когда ему хотѣлось охотиться,
 съ дачи и выдвѣвала его въ свой замокъ Шавреу, когда
 ему хотѣлось бродить въ одиночестве въ глубинѣ лѣса. Ему
 оградно было одиночество. Но ограднение отъ жизни прики,
 масть различные оградники: оно можетъ помочь уединенно,
 мучь мысливлено создастъ еройную систему, но оно не въ
 сохоткимъ развѣе въ немъ мизантропично, привычку издѣе.

газг общенія съ некавиристыми людьми. Руссо не изготавлялъ
 послѣдней ураски. Одиночество оозвдалает на его характеръ,
 то, что отъ легче бы смееь, озрабает среди обдзесва, поурало
 хперг преувеличенныя размеры. Въ удивленіи созривали
 все его дальнѣйшія распри. Никтозиные признаки не,
 располоненія казалас ему сторго индрилъ и подкочовъ.
 Мнохондрій, козорую отъ пресиде, ствадет, называли болгоз.
 нею зноднвилью людей, завладтила швъ. Ёму казалое, что
 его некавидяць, или ему завидуюць, или коздарь поддимиць
 его седн.

Тперг еще даиникъ, носавшій название, Эриказина;
 украшатель бюезы и порзуръ Руссо, предсравляющіе словъ.
 ка, чего-то вышндяющаго; на суровомъ, даме оукалживато
 щель лиць легла рязкая пелаз меланхолин и уел.
 сіель скриваемой злоди. Тпуръ елучиласъ при пропеше,
 сзвйя, озрабавитъ глубокіе и печальное слъды въ шизри
 злого человека. Во-первыя, Руссо влюбиласъ въ графиню
Удезо (d'Houdetot), чиную, образованную и веселую женщи-
ну. Она любила Сень-Ламбера, авюра Времени года, бив.
 тала зода въ арміи; Удезо гресила по немъ и любила
 говорить о своей гресри, — ооденно еч Руссо, но была совер,
 шенно холбодна къ его некадеисвалямъ. Сполбоду Руссо не,
 позувала зомленія порввисхай, почти миезической любви.
 Неразвизая и недалекая Тереза Боземленн была удобле,
 зворитъ швъ, и связь съ нею опредѣляласъ лишь еилою

и въ свой геницу г-жи д'Эинэ,

Французин

привычки. Но именно среди захимбъ величуща сраерс
 муцирелная и безнадежная. Кокерливая и грациозная
 молодая артистка, заблудившись въ лесу, подыкала
 разъ къ Эрмиразу, отходя въ музской косьюль. Ея по-
 явление оеалось въ глазахъ Руссо муззарисиль королю.
 Онъ не зналъ, что съ нимъ едилалось, бродиль по лесу
 днелъ и ночью, плакаль, говорилъ чубебузельные моно-
 логи; его пламенное вообрание вообще много разъ
 рисовало ему все уреволненія любви и охладенія врем.
 де, тиль онъ ночь признался въ своемъ чубебу. Руссо
 едлизиль съ графиней, молиль се оеахса съ нимъ въ Эр-
 муразиль, и она чубебу созрания или чубебу зисславиль допу.
 скала эту близость, не подавая надеждъ и хорзель сло ко-
 керзель. Руссо узнаель, наконецъ, что у него еель сопер-
 никъ, переламываель себя, ртымаель все етосиль, но, за-
 бываель, дилаель сцену коварной оеенициль, муциль
 се ревностю. . Вся под машина, пишель Руссо, пришла
 въ срашное разеуруельво: ури мельца безиреельного
 возбудиель и поеодниель мимель довели меня до
 такого нехорзель, оръ козорало я не човъ поправиль
 мельско миль. "Позаиль Руссо поессориль съ Дидро,
 козориль издалъ зойда своего, "Подобного сына". Въ этой
 комедии Дидро еказаль, что зойско дурнаель миль миль
 еединиль. Руссо примиль это на евой еель и обручиль
 Дидро. Толь озвониль зойе доволель грубо. Позаиль миль.

помиримся, но герцог итскавско днел отпур поссоримся
и оспалим врагами до самой смерти. Наконецъ, Руссо по-
ссорился и съ г-жею д'Энине. Семь Ламберть окончательнъ
постановилъ быть убѣдомленъ о гасульнъ и елишкомъ индуй,
накъ свиданить Руссо съ графиней. Впрочемъ, тесло
это было написано Терезой, но Руссо поспу-хо быть убѣ-
реть, что его написала г-жа д'Энине. Она оскорбляетъ по,
дозрѣнись. Днело дошло до горячихъ обиденетий. Руссо,
по настоянью немногихъ, оставилъ у него друзей, изви-
нилъ передъ г-жею д'Энине, но его меловскъ, почти дерз-
кѣ извиненїя были притвуды съ оскорбительного холод-
поерго. Они разошлись. Въ зрѣль портъ индуй Руссо срано,
виудъ негоріей безпрерывныхъ сраданий. Они со днел надея
срановилъ недобрычливое и мрачнѣе. И любовь, и друзья
гиднуць. Телелно кончилиот отпуръ въ Эрилизантѣ.

Позоль Руссо поселился поблизоери (въ декабрь 1757 года),
въ Монморанси, въ небольшомъ домику, называвшемся
Монлици, гдѣ прожилъ нѣскѣ мѣсяць. Пока его докъ приво,
дилъ въ порядокъ, она согласилъ подтвердѣ въ замкѣ
у маршала Моксаандуръ и его жены; но на зрѣль разъ
Руссо посравилъ условіе, чтобъ его не безпокоили и
чтобъ отъ новъ виднрся съ своими хозяевами или издѣ,
гарт иль, смозря по своему желанію. Маршаль и его жена
благосклонно согласилъ на вѣсь сраги договора этого
мозидавшаго независимоеи человѣка, не желавшаго

ощущая на себѣ та даже приминаемость или благодарный.
 Въ Мотиноранси Руссо провель нѣсколко спокойствіе
 мору, поглощенный работою; но, наконецъ, его Д. митъ, ко-
 зорый отъ зѣвел между другими сочиненіями написалъ,
 — разругивъ спокойствіе своего автора. Не смотря на все добро,
 малязельство малязерба, главного цензора, челоука съ очень
 широкими ушами, Сорбонна осудила это сочиненіе; парла,
 ментъ приказалъ сослать его, а прозивъ самого Руссо были
 издавъ декреть объ арестѣ. Маршалъ Моксандуръ заарестовалъ
 его въ мартѣ; отъ высылалъ въ педире часа пополудни и ви,
 дель теръ своего кадриолеа, какъ ему кланялись присра,
 ва, пришедше арестовать его (1762 года).¹⁾

Отъ скрылся въ Женеву, но женевскій профессанцизмъ
 въ зумоушии францужеской недержитиоеди не далеко ушелъ
 оръ казонизма. „Д. митъ“ были сомяженъ въ Женевѣ, и
 Руссо не тамъ убожища ни въ своемъ родномъ городѣ,
 козорый за нѣсколко мору передъ зѣвилъ (1754г.) съ закилъ
 зорнесельво притѣжубовалъ своего славноа сына, и гдѣ
 отъ снова принялъ гражданствѣ вишези съ религіей
 своимъ оузовъ, ни въ бернескомъ кантонѣ, а долзиетъ
 былъ искастъ убожища у прусскаго короля, Фридриха Ве-
 шкаго, козорому принадлежалъ Кевшарель, и поселился
 въ Мотге-Траверъ, въ домѣ, представленнои въ его рас-
 поряженіе М-те Буа де ла Туръ. Видѣ известности привелъ
 его въ восмищеніе, гудерназоръ ему поправился; гудерна.

¹⁾ Возвувъ на швейцарскую почву, Руссо бросился на землю, умоловалъ
 ее и благословилъ свое возвращеніе въ страну свободы.

Французская история литературы XVIII в.

Король был любезней милорда Маршалла, пославший ему своего вина и благодаривший его за то, что он не отказался принять подарок. Онъ бродилъ, ботанизируя, по окрестностямъ Монсе (Monce), втѣшивался въ долины крестянокъ, помогалъ имъ плести шкурки и веревки. Но такая безмятежная жизнь была не продолжительна. Какъ всегда, после счастливыхъ грѣзъ наступило разочарованіе: марков, мой соборъ, пасторъ и весь община начали преслѣдовать его, какъ врага церкви. Народъ, подзаборенный ^{каторжниками} ~~попавши въ~~, зналъ его изъ месетки. Въ сѣклъ его дома были брошены булыжники. Воображеніе философа уже рисовало ему цѣлую толпу, мажидавшю побить его камнями. Онъ покинута Монсе и поселился на пустынномъ островкѣ св. Пезра, находящемся посреди маленькаго Гвенескаго озера. Но и здѣсь онъ не могъ умиреть: по декрету Бернскаго сената его ограда изгнали. Онъ бѣжалъ въ Страсбургъ, гдѣ Бернадоръ козорога принялъ его подъ свою защиту.

Въ слѣдующемъ ⁽¹⁷⁶⁵⁾ году, по приглашенію философа Жюма, Руссо черезъ Парижъ отправился въ Англію, гдѣ Давидъ Жюмъ доставилъ ему убѣжище въ Вурдонкѣ (Wootton) въ графствѣ Дерби. Въ этой прохладной и тихой долинкѣ Руссо провѣлъ тринадцать мѣсяцевъ, собирая расцѣны, занимаясь музыкой и редактируя свои воспоминанія. Но онъ поссорился съ Жюмомъ; эта ссора была послѣднимъ ударомъ, произвѣвшимъ всю его подозрительность и недоброжелательство. Зародились

Болтозны, замечательные во время дворянского же Конзбе еще
 в 1738 г., быстро развились во его несчастной голове, и шты
 овладяло насрадище безумие. Онъ боролся въ обширной за-
 говоръ, составленный прозвуть него Дидро, Жюльенъ и Трини-
 тель — таминиль, неслучными друзьями 2-ми г'Тинис — бить,
 сра со велье человетческима родомъ, съ целью унизить его,
 обезгесить, оклеветать, засудить его принимая оскорбитель-
 ная Благодарный или приписывать ему позорный сочине-
 ний. Призвано вообразить себя, что и английское правительсва
 сохранило прозвуть него какой-то заговора, Руссо б'бознать
 из Англии. Онъ ухаживать онды въ Францию. Тамъ его оза-
 били въ покое, съ условиемъ, что онъ никого не будеть ни,
 сара прозвуть правительсва и религия. Подъ ласкыми иже,
 немъ Рену, Руссо поселился въ замке, ^{Пари (Paris)} принадлежавшемъ
 принцу Конзи, но прозвуть замъ итсколско м'ксельва,
 онды началъ свои сурасудивен. Какъ преследуемый зворъ,
 онъ скрывается въ Доринз, въ Тургуанъ и въ Конкенъ,
 побывавъ въ Лионъ, Тремодль, Шамбери, онъ въ 1770 году
 возвращаетъ въ Парисъ и поселяетъ въ улице Плакьеръ,
 козорад поить генеръ м'ва Руссо. Все это время онъ шить
 перенской ношь, и, кто хотеть его видеть, должны быль
 являтьс къ нему въ кансуть его работодателя. Онъ грубо
 выгоняль велье праходившима къ нему модоникыма
 поклонниковъ и покровителей. Онъ шить одинокима
 и неписушима; общее внимание и восхищение, козорад,

1) Передъ нимъ были приглашенъ и забыты его поклонники изъ Вези и Поньши. Везиновскій
 звалъ его въ Украину, Влад. Орловъ въ походе подъ Педербургомъ, польскій царь Тизенгаусъ — даже
 въ Билобазискую ижизу. Его поканиль было переть на Корсику, охваченную тогда беззаметно; для
 корсетанской республики онъ написалъ даже проектъ конституции; но въ то время, какъ онъ сидель у
 правитъ подъ ея стеною, независимость Корсики была уничтожена.

какъ онъ чувствовалъ, окружали его, несмотря ни на то, мучили его самолюбие, но онъ оставался неизменно подозрительнымъ и преследуемымъ своими подозрительными. Его мучили, свозили, милыми дядями, напоминавшими ему молодость и бурную, бродячую жизнь ^{его} молодыхъ летъ, были дни его длинныя прогулки и собранія расцени въ окрестностяхъ Парижа, въ Булонскомъ лѣсу. За годъ передъ тѣмъ онъ женился, наконецъ, на своей Терезѣ, которая родила ему многочисленнаго дѣтей, которыхъ же онъ, проживъ ея вѣки, оставилъ въ вѣдѣннѣ парижской доли. За нѣсколько недѣль до смерти Руссо, похотливо и рывчиво озверѣвшій всею предположеніями своими знаменитый погизадеи, принялъ въ 1772, наконецъ, предположеніе маркиза де Ширадена перенестись въ его помѣстье Эрменонвилля, недалеко отъ Парижа. здѣсь онъ, наконецъ, успокоился, но не надолго: апоплексическій ударъ, а можетъ быть и самоубійство — но это предположеніе мало вѣроподобно — положило конецъ его дѣшевой жизни — онъ умеръ тамъ же 2 июля 1778 года. Маркиза де Шираденъ оставилъ ему на вѣрники съ надписью: „здѣсь покоится голова природы и чернилъ.“

Въ пещерѣ, огни нѣдренной жизни Руссо можно различать три эпохи: 1) его молодость, съ 1712—1755 года, когда онъ извоуженъ болѣею гаспардонско какъ музыкантъ; 2) годы его мизражурнаго зворисова, съ 1755—1765г. — музыкантъ-женевскій гражданинъ срановича философия;

3, большой переиздатель в вообрасении пресладе ученого, сь 1765-1778.
 (La dernière période de sa vie s'étend de 1765 à 1778, date de sa mort. Elle est lamentable. Cette merveilleuse imagination...)

I. Музыкантъ Руссо (сь 1712-1752).

Въ эту эпоху Руссо велъ имено своего бурную, бродя, чую жизнь, которая намъ уже хорошо известна. Еще до 1737 года, въ Шармезель (Aux Charmettes) у 2-ми Вармен, онъ написалъ свои первые опыты, пробовалъ свои силы въ зворисеубы, написалъ уже комедии и оперы. Тогда подъ внезапными окрузающими горъ и озеръ открыла у него искренняя любовь къ природѣ, проникающая весь его произведенія и передававшая его поеладобае, иль, напр., Байрону. Тогда же приехрасилелъ овоъ къ безконечнымъ сзраисеубамъ иль итаткомъ, сраивилъ до самой смерти любилелъ возбудиелелъ его мысли, и рано показавилелъ ему жизнь, какъ она ест. Когда однажды, зайдъ въ хитану французскаго крестьянина, онъ увидалъ его французскимъ придной мысли, что передъ нимъ, модисеубъ, собираюсъ пода, зей, и купиво прядущимъ свои запасы, тобы не под, бернурелъ обраисеубу въ пользу казни, — „въ эту минуту брошено было зерно непримирной ненависти, разбившейся въ поель сердце по ветель прирсаисеубе, иль несчастнаго, желанно мода. Я не могу забыть, что эзозъ человекъ не осмативалелъ веръ иль, добрый

милль въ позу лица, и что оно может изобразить разоренія,
 жутко приурочиваясь заклинать эти бедняжонки, какъ и все
 другіе." Несомненно, эпоха эпизодъ повліяла со временемъ
 на появленіе трагедіа Руссо о неравенствѣ между людьми.

Мы уже знаемъ, что въ 1741 г. Руссо привезъ съ собою
 въ Парижъ комедію Нарциссъ и повучо сцезелу похвалы
 знающихъ, но въ мірѣ музыки и театра она потерпѣла
 самую неудачу. Музыканты нашли псеудобными иль
 изобрѣженныя новыя ноты, и надежды — что изобрѣженіе
 это дастъ ему средства къ жизни — рушились. Наконецъ,
 Руссо рѣшился писать оперы; но его „Muses galantes“
 не имѣла никакого успѣха и имя композитора Руссо
 превратилось въ дипломата. Однако и при этомъ ничего не
 было: скоро съ посланникомъ въ Венецію снова верну-
 ла Руссо въ Парижъ, гдѣ онъ начинаеъ переноситься
 позы. Еще за время своего предыдущаго пребыванія въ
 Парижѣ онъ приобрѣлъ себѣ друзей. Дидро предложилъ
 ему писать музыкальныя сцены для Энциклопедіи.
 Далѣе, Руссо передѣлалъ для двора одну псезу Волгера
 и оперу Рано; его музыка исполняеъ въ домѣ гене-
 ральскаго оубкушника, великодушнаго Понеллиера.
 Между тѣмъ Руссо занялся и самостоятельными авдоръ,
 срывомъ. Онъ написалъ двѣ плохія комедіи „L'engagement
 téméraire“ и „Allée de Sylvie“, приуроченно аллегорію
 и пробовалъ издавать вмесѣ съ Дидро журналъ „Le Persiflage“.

+ Наконец, в 1749 г. появилась "Разсуждение о вредности образования", и Руссо вдруг стал знаменитым человеком, коим. В упомянутом году Дижонская академия поставила на конкурс знаменитый вопрос: Содвигало ли развитие науки и искусства развращению или очищению нравов? (Le progrès des sciences et des arts a-t-il contribué à corrompre ou à épurer les mœurs?) Руссо высказал парадокс, досад, бывший централь его сочинения. Академия имела в виду только ученое изложение влияния искусства и науки. Этот вопрос Руссо взял со стороны философской и в "Discours sur les sciences et les arts" отыскал на него с таким красноречием, такой пронизательностью, такого силою и таким языком, что академия, хотя и не разделяла его мысли, уважала его отзвук, как мажорное произведение. Руссо придавал такой вид академической задаче, как будто она, делая спрашивала, спрашивает ли человек вообще лучше через научное образование, — и отыскал на вопрос отрицательно. — За средневековой ночью следовало возрождение науки. Должны ли мы радоваться этому возрождению? И вот, отыскал Руссо.

"Наука заглушила в нас чувство свободы и испортила характер человека. Уж в одной древней легенде говорится, что изобретатель науки был божеуво, браждебное мидвике. Что бы мы делали с искусством без роскоши, которая им низаеда? Къ чему нам нравственность, когда люди несправедливы?"

Это была бы история без зрелищности и бойки, без заговорок?
 Предавались ли бы мы праздным философским мечтаниям,
 если бы великий гур нам думал о своем долге, о своем горе,
 о своих друзьях? Но если науки бесполезны по своему
 предмету, то они еще опаснее по своему действию. Да же
 много оговорок, вы, знаменитые писатели, вы, ожившие на
 тайны перестановки музеев миров, вы, указавшие на
 восточные и сущности души, вы, объявившие нам где
 са природы, — да же много оговорок, были ли бы без ваших
 поучений не так многочисленны, не так хорошо управить,
 ели, менее изобрести, или были бы не сколько хуже? Капро,
 живь. Милостивые ^{друзья} визит обогащая со всеми сторонами, подка,
 побавлять основание вора и приоткрывать добродетель; рожи
 закие покровительствуют они роскоши, которая была при,
 чинного надежды всеми государству. Науки и искусства — един,
 озвончат вика жону, что таланты сражает выше добродетели.
 Больше у нас не спрашивают, добродетель ли человека, — а
 ценят ли они; не спрашивают, полезна ли книга, — а
 хорошо ли она написана. Возрожденному говорю плавать
 щедро, а гедонист человек уходит с музеев руками.
 Все заедки призов за красивых раки, а ни одного за
 хорошие поделки. У нас все едет вон из наших, земли,
 шторы, шипики, поэзия, музыканты, символисты, а кто
 больше хороших граждан, если ^{они} и есть их несколько,
 то они разведены по отдаленным областям и коротают

296
своей вѣнѣ въ нуждѣ и пренебреженіи. Если наши поземки
не будутъ еще глубже наемъ, они поднимутъ руки къ небесамъ
и воскликнутъ: „Всеполюцій Божіе! издаде наемъ оръ просвѣтъ,
цѣнѣ ордѣвъ нашихъ, приведи наемъ снова къ просвѣту, не,
випносеи и бѣднѣеи, — единеизвѣстныма благама, козорои
доседавлѣторъ наемъ сказеи и зѣбѣ придрѣи?“. Такимъ образомъ
надо хлопотать не о популяризаціи науки, не выселѣтъ
ее на площади для публичной продажи, — а надо вовлѣкаръ
хорошихъ людей въ ситѣ непосредственно дѣлѣтѣ науцѣ. Ци,
цорѣвъ бѣвъ консуломъ Рима, Бэконъ Веруламскій — канц,
серѣвъ Англии. О, если бы цари призывали въ советѣ свой
лучшей науки! Это одинъ зѣбѣ предразсудокъ, изобрѣтенный
высокопоставленныма знами, бѣдѣ нехорошо управлѣтъ народомъ
зѣбѣтъ нехорошо просвѣтъцаъ его. Пока сила одиноко сѣоуи
на одной сѣорѣтъ, а просвѣтъиеніе и мудрѣеи одинаково — те сѣо,
арѣ на другой, зѣбѣтъ рѣдко бѣдѣтъ прикладѣтъ въ голову
великия мысли, государи еще рѣше бѣдѣтъ совершаъ великия
дѣла, а народѣ не пересѣанѣтъ бѣдѣтъ униженными, развѣ,
цѣнѣными и несчастными. О, добродѣтелѣ, возвышенная
наука просѣтъ дѣиѣ, — развѣ изурѣтъ зѣбѣтъ сѣоуи сѣоуи
цѣнѣи и издержекѣ? Развѣ зѣбѣтъ не даключено въ
сѣрдѣтъ каждаго? Не бѣдѣтъ завидоваъ славъ зѣбѣтъ, козорне
прославилисѣтъ въ науцѣ; мы сѣдѣлаемъ почесное различіе
между ними и нами, — различіе, козорне некогда заимѣи
между двумя великими народами: одинъ народѣ зѣбѣтъ хороша

говорит, — другой хорошо драматург.

Таким образом, замечаясь Ф. К. Мюссер, Руссо срано, видел вольные союзников обскурантов и нигуров, которые нападают на науку и цивилизацию. Между ними только различие, что нигуры свой идеал человека, неурядного, ищало в действительном стремлении к прогрессу, ищали в разе до грехопадения, а после грехопадения, повсюду на земле видили сугубо много бедствий и развраще. Руссо, напротив, указывало на охрану идеала у гоженговы, у диких, у римлян вренне Фабриция. Ни нигуры, ни Руссо, не понимали, что в совершенствовании закливо, гаясь в прелидуево конечного существа, которое от лица нас ое зворей, и что это поземное развире бедее к неумному блаженству, которого не ищут ни идеал Руссо, ни идеал нигуров.

Мир лирической Руссо не мог; поэтому отъ рв, милей добивает себе хлеб перенеского нур, зверде добши, чинной, что у такого знаменитого перенесника не может быть недоузка в работи. Это была сранная комедия. Заказчики знали факче хорошо, как и сам плохой перенесник, что они платят только за имя; поэтому, за сделание иштае автограф великого человека, они платили подарками Терезе и ея матери. Но Руссо хотель играть роль чуждого французика. Вельде за первой Дюпонской диссертацией Яви, лас его опера, Деревенский колдун (Le Devin du village),

поголовь речи „О привилегиях неравенства между модбми и о политической экономии“ Угасль его свѣтлей и оригинальной комической оперы „Деревенскій холдучовъ“ все-таки не похвало Руссо выйди изъ сродственного положенія. Онь прихотью члѣд, шиль свое положеніе сочиненіемъ „Lettre sur la musique française“ (1752.), мезоко нападая на работы, до снхъ ^{порѣ} (подвив- шіяся о французской музыкѣ и на годное французскаго языка къ музыкѣ вообще. Также въ ~~своелѣ~~ шль позже изданнымъ Словарѣ о музыкѣ (Dictionnaire de musique) онь слишкомъ сзрого оуздаеъ французскую музыку XVIII вѣка. После закнхъ нападокъ на вѣсь придворнаго одиссрва Руссо, ехсербенно, не шовъ болше ингоъ никакого ченка на сценѣ оперы.

Его слѣдующей работой въ области философи было его уже упомянутое сочиненіе „Discours sur l'économie politique“ (1753.), написанное для Энциклопедіи. Здѣсь вертмалось болшего гасрво уне зго роковне принципѣ законодательной гараніи и государственнаго безумія всемоуцесрвенности, козорые Руссо въ Contrat social сводить въ цгалую систему.

Та же академія, козорая дала Руссо поводъ къ первой диссертаціи, возбудившей удивленіе всей Европы, доесавила ему новый случай развить основную мысль первого сочиненія, и, въ зѣской связи съ нелю, изложитъ демократическую систему общесрвеннаго устроеня, не слышанную до зого времени. Въ 1753 году Дижонская академія предложила

Вопрос: Какая причина неравенства между людьми и оправдывается оно естественными законами? (Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes, 1754). Руссо приехал в отставку, который тоже удостоился премии. Его Рассуждение о неравенстве произвело еще больший эффект. Руссо во два прииска сравнился с Вольтером. Во пер, волю ухватить о вреде образования Руссо излагает, то во всякь странах мира сь началось удивительного развития совпадающь первой половины во упадок нравственности; преступление морали образно пропорционально росту просвещения. Подъ похвалу правоты Руссо разумеет увеличение погрешностей, а пороку и разврату страстей, расширение роскоши и праздности, умрачу военных доблестей, накопление во людях лукавства, фальши. Этому соединению рассудительного цивилизованного человека отъ противоположающь школы для смешного первоначального невежества, сь кофороу человекство раздало сь всеподуе своей гордости и похливости. Тамъ больше развиваются и расширяются науки и искусство, тамъ больше удаляются человекь отъ естественного невежества, тамъ больше отъ странности пороковъ, извощивости, лицемерности. Руссо приводит во пользу Эго много и сфод, римский доказательство, посредством кофороу отъ приисел, ваерь наукь и искусствь поспешив, вытекающя изъ быта политическаго и экономическаго. Озирает на прошедшее, отъ указывает на ныншеско явленя, во кофороу видящ

1) Quelle est l'origine de l'inégalité parmi les hommes et si elle est autorisée par la loi naturelle?
 2) Кто не былъ увраченъ, но зная не знает отъ гораздо важнее первого (по Улашю).

приклинено связать между развитием цивилизации и ослаблением
 нравственности. Так - Эгипет, с распространением филосо-
 фии и искусства, становится добычей завоевателей: Персы,
 Греки, Римляне, Арабы и Тюрки. Во Греции, за разви-
 тием науки и искусства, следует период македонского вла-
 дения. Во Риме порча начинается во эпоху поэтов
 Эннии и Теренция, а повесть писателей августовского вре-
 мени великий город окончательно падает жертвой разврата.
 Византия - убожество науки и искусства во средние века -
 предвещает впрочем с собою образцы нравственной рас-
 цвеченности; в истории есть ряд изысканий, оздоровь, удивень.
 Выходить даже, что и Китайцы, владыки своей учености,
 подпали под иго Таярарь. Напротивъ того народы, не заратен-
 ные знаниями, охмичались просвещенной, невнимательно и доблестно.
 ми; таковы - Персы, Сиды, Германцы, Спартанцы, древние
 Римляне. Науки воспитатель пороков и выросли из по-
 роков: астрономия родилась из суеверия, геометрия произ-
 ведена скупостью, физика - дщерь праздного любопытства;
 весь знания, даже сама наука морали обязана происхожде-
 нию своим нашей гордости. Они поддерживаются рос-
 кошью, праздностью, неравноравно, и во своего отсрэд раз-
 виваются иль. Благодаря цивилизации, мы ничего не выи-
 грали, не приобрели для нашего счастья, а учрадили мно-
 гое: природную просвещенность и невнимательность. Во населье об-
 щества почитаются таланты, уважаются знаменитости, искусные

специалисты, но у нас много больше граждан, людей, и добродетель
 есть процветает. « Великий и великий воздвигатель какого-либо афри-
 канского племени », пишет Руссо в одной подлинной
 записке к своей жене, « я велел бы воздвигнуть на грани-
 цу великую и приказал бы безотлагательно повесить
 первого сбродника, который посылал бы войну в мою фер-
 ризорию, и первого гражданина, который покушался бы войну
 из Франции ». Но что мне доллар нам, цивилизованным
 народам? Руссо соглашается с тем, что первоначально,
 по порядку вещей невозможно: мы уже слишком
 испорчены и раздвоены. Нужно учить, регулировать,
 сдерживать в должных границах дикую разврат-
 ность и искусство. Через людей передается лишь с незначитель-
 ностью. Через них занимаются немногие избранные,
 великие гении. А большинство через наука исполняет
 свои обязанности: для этого не нужно особенных хлопот
 и приговоров, принуждения поведения монархата во
 всех сердцах. Будет слушать голос нашей совести,
 это — истинная философия, и ею удовлетворяться.

Одним из самых важных результатов образования Руссо
 считает то, что явившееся величие его исключительное
 предпочтение таланта и зависящее от этого уничтожение
 добродетели — не только ввел в общество пагубное нера-
 вество, но и способствуя его усилению. Вспомните на по-
 следнее сражение польского короля Станислава, Руссо за-

Ходить существо и называешь неравенство корнем всякого зла,
 от неравенства произошло богатство, от богатства роскошь
 и праздность; а от роскоши и праздности явились уже иску-
 сства и науки. Первоначальное равенство людей Руссо считалось
 аксиомой, не требующей совершенно никаких доказательств.
 Неравенство было названо законско обществу и государству;
 поэтому общество и государство — закон насильственный и на-
 губный; и только рожде издановилось во имя неравенства,
 чтобы от него избавиться. Таким образом Француз распадается
 на два класса: первый класс изображает предполагаемое при-
 родное состояние всеобщего равенства, т. е. людей до возник-
 новения государства и общества, а второй говорит о возник-
 новении государства и изъясняет его возникновение выво-
 дит заключение об его сущности. Первый класс представляется
 мечтаниями, законско только и объявляющим, что даже в самое
 образованное время являлся похребное между обь чужа-
 геной природы неистощимой природы. Александрий-
 ский период создал идилию. Гораций воспевал суровую
 доблесть дикой скифов; Тацит описывает нрав развращенного
 Рима во двубежные и века Германии, а возмеч Руссо рас-
 цвоты разности сладкия пасторали Тесснера. По мнению его цело-
 быкъ во природномъ соединеніи — это дикій въ роуиъ видъ, какъ
 отъ блуднаго въ своихъ иносая, безъ гнѣдствности, безъ
 языка, безъ смилца, безъ борба и дружба, безъ склонности
 къ другимъ людямъ, совершенно довольствует самими собою.

тупается всякой пицей, и потому легче доедаешь ее, нежели прочий шивозный. Первобытный человек похотел и похотил не, сократилась: отъ притыкъ къ непогоди, къ физическому упражнению, не знаешь орудій, а потому разстигиваешь на одну рыльскую шовкоу и утѣшь обороняешь оръ шивозныхъ безъ закона, ра, безъ ^{Англии} пращи, безъ всякихъ искусственныхъ средствъ. Къ тому же шивозный нападающъ на первобытнаго человека только въ исключительныхъ случаяхъ. Американскіе дикари шивозы беззаботно среди лиственныхъ зѣберей. Болызны гораздо меньше обильны въ искусственныхъ союдахъ, только въ нашихъ общинахъ: много нашихъ эксцессовъ, нашего неработопорного образа жизни, нашей губительности, заботы и напряженій.

Однако, балладеръ сранной неослаждаемости, Рурко относилъ самую счастливую пору въ прошедшемъ человеке не къ тому естественному періоду, а къ египетскому за шивы дикому союдахъ. После Антонио, это и есть самая прочная эпоха, это — образъ жизни, наиболее свойственный и привычный человеку, изъ котораго ему никогда не слѣдовало бы выходить. Привычка дикарей, которыхъ всегда находили шивы, но на этой базовой египетской, подзвернидаешь, что шивы здѣсь и слѣдующъ видоу самую счастливую, египетскую, египетскую пору въ развитіи человеке, его похотел, въ которой шивы, только было бы, тогда оно только осрабало. Въ періодъ дикоты люди уже покинули изолированную быль, обилие, образовали семьи и племена. Здѣсь похотел

и никогда ни одинъ карандашъ не былъ разрѣзанъ дикими шивозными.

гелована уже увеличилась, они стали изобретать орудия и забориться о различных удобствах, но все же господствовала простота нравов и мирная завязь. Возникли представления о взаимных обязательствах, возникла похоть о наказании, существовало искусство, соревнование, но бланка существовала подвизения осанавливающего первые шаги къ неравенству, задерживающего нехотелое и охраняющего всеобщее благосостояние.

Во второй части своего "Разсуждения" автор переходит къ зрелому периоду. Великая революция, которая вывела людей из блаженнаго патриархальнаго состояния, сопровождалась изобретением металлических орудий и земледелия. Мало-по-малу пришли цивилизация и наука роду чело, вточескому. Последовало разделение труда. Презде каждый самъ промышлялъ для своего продовольствия, для удовлетворения своихъ несложныхъ потребностей. Тенерг - одни стали обрабатывать землю, другие приготавливать необходимые орудия. Также какъ силы и ловкость были неодинаковы, то при равнотнапряженнои работи, одни добывали меньше, другие больше; неравенство увеличивалось. Появилась разликя между богатыми и бедными, возникла частная земельная собственность, завязывалась гражданский союз.

Эта часть диссертации начинается знаменитыми словами: *Le premier, qui, ayant enclou un terrain, s'avisait de dire: ceci est à moi! et trouva des gens assez simples pour*

се croire, fut le vrai fondateur de la société civile (Первый, кто
 огородилъ участки земли и воздушнаго пространства, эта земля моя,
 и тамъ людей добровольно проеходимыхъ, чьодъ повторитъ
 эту же, — были первичными основаниями гражданскаго общества).

Съ, основанія ^{государственнаго} ~~односубъектнаго~~ договора началась перипетия:
 равенство признано, повсюду водворился умасный лабень.
 «Кле въ природномъ состоянии, какъ полагаетъ Гоббсъ, а жонско
 время началась вольная война?.. После выборнаго управ.
 ления, какъ вольный порок и искусственнаго права, какъ
 последнее осваиваніе неравенства, являеца у Руссо десно.
 жизнь. Въ первую эпоху, съ узаконеніемъ общественности,
 мы находимъ различіе богатства и бѣдности; во вторую, съ укрепл.
 деніемъ правденства, мы видимъ различіе сильнаго и сла.
 бого, управляющаго и управляемаго; наконецъ, въ послед.
 ную законъ усугубляетъ много произволу и мы застаемъ
 господъ и рабовъ. Последній срацикъ уграфа Руссо изобра.
 ожаетъ эту окончательную порку. Вездешний человекъ исчез,
 общество представляеть для философа зрѣлище искусственнаго
 людей и ложныхъ страстей. Шо, шо дѣлаеть счастье человека
 первоначнаго, ро приводитъ въ отчаяніе человека цивилизо.
 ваннаго. Первый стремится къ покою и свободѣ, второй, въ мнѣ,
 радостной дѣдрельности, поводитъ муку, отыскивая новыя
 замятия. Онъ ласкуетъ знамя, козорую въ ро те время ненави.
 дить, — богатство, козорить презираеть: онъ добиваетъ чести
 слугишь мнѣ, гордо и ваетъ своей издостью и мнѣ покро.

визуальной. Вся наша естественная способность искажена, извращена общесветскими бытиями. Как бы ни определили законы природы, но, очевидно, что с эфиром законов несогласно то положение вещей, в силу которого редеть повелевает ваять старик, дураком командует умильчивый пеловоголовый, и горюх людей до преснижения повозвужая встали приходяли, между жель какь голодная земля лишена необходимого:

Таковы общия оскорблiя зорiи Руссо отъ естественномъ и искусственномъ созранiи. Эту маленькую книгу, написанную съ увлекательнымъ красноречiемъ и быстро распространившуюся между образованными людьми, можно назвать профессоромъ бедного и угнетеннаго прохвiе существовавшей тогда формы государства. — До насъ дошли разнообразныя свидетельства отъ одеситовъ, сопровождавшихъ возникновение особенно перваго знаменитаго дискурса. Многие современники рассказываютъ, будто Руссо хотiли даже сначала утвердительный отзывъ, и только по внушению Дидро, для божественной оригинальности, сообщили своему произведению неосидатный оборотъ. Но эти рассказы не заслуживаютъ вѣры: они сложились въ кружкахъ, враждебныхъ Руссо, и принадлежатъ людямъ, пишавшимъ къ нему личное неравноположенiе, видѣвшимъ въ немъ пролего софиста. Напротивъ того, рассказъ самого Руссо весьма правдоподобенъ. Руссо повсюду, что отъявление о Диконской дѣлѣ отъ прочиталъ въ газетѣ, во время прогулки въ Венсенъ, куда отъ шель навосиру

Дидро, заключенного в то время в Венсенской тюрьмы за Паста,
на о сломанья. Прогизавши публикацию, Руссо впасть во эста,
 зинское соедоане: онъ увидяль передъ собой новый миръ, что,
 мая масса идей заройлаас въ его голову, сердце задилосе ея
 оособенной силой, дыхане сперлоас, онъ не мочь держмарсе на
 ногахъ и опуезилсе подь дерево; когда онъ пришель въ себѣ,
 онъ увидяль, что все плазе его было откоено слезами. Когда
 Руссо пришель въ Венсенъ и соодилель планъ своего оубъ,
 за Дидро, послѣдній обнадѣшилель и поддержаль ^{его} Такъ заро-
 дилосе разсудение о наукахъ и искузсвахъ. ✕

Накопецъ, возе какъ присудилель Руссо къ работѣ надъ
 своимъ, Разсудениемъ о неравенствѣ, для того, чтобъ на
 проедорѣ обдунаре зрозъ важиний предметъ, нинедъ онъ, я оу,
 правилель на недѣлю въ С. Мерменъ, съ Терезой, съ камеръ
 лодяикой — славною шенциной и съ одной ея знакомой.
 Это была одна изъ самыхъ прѣдъныхъ прогулокъ во всей мо-
 ей жизни. — Сродила прекрасная погода; зри добрия шенци,
 ны взяли на себѣ шлопожи и расходичую часу; Тереза съ ны,
 ны забавлялаас, а я, ны о гиль не забодзес, приходилель къ
 ниль въ часъ обѣда — неприпузиденно ^{продолжилель} зарафоритъ и оубъ,
 ларе. Оедальное время дня я проводилель въ мѣсу, и залель я
 искаль, я находилель образъ первыхъ временъ, и гордо чер-
 зилель мѣхъ перорито; я черзраняль мелкуто модскуо лозель;
 я держаль обнамаге природу чеповичесхва, слодобавъ за же,
 тенисель временъ и двѣтний, козорая се изуродовали, и,

сравнивал человека, изобретенного людьми, с естественным человеком, раскрывал в его мнимом совершенствовании истинный недостаток его бытия. Душа моя, окрыленный зритель возвышенным созерцанием, возносился къ Божееству, и, взирая съ вышины на то, какъ словно свободную близниче мои по пути своимъ предрасудковъ, заблуждений, несчастий и преступлений, я взывалъ къ нимъ слабымъ голосомъ, который до нихъ не доносился: безумцы, вы, которые безпрестанно жалуетесь на природу, знайте, что весь вашъ бытъ изобладаетъ оубо оубо вамъ самимъ? — Такова была утренняя подготовка къ драматургу. Прислушавъ къ своему „Разсудению“, Руссо двлаеу также несколько замечаний о методѣ. Онъ предполагалъ напередъ, гипотетическую теорию общесуветельства. По его мнѣнью, нужно начать съ того, что охраняютъ франки, ибо они въ долгу не отсыреть. Свои разсужденія онъ не выдаетъ за истинны историческія, но за условныя разсужденія, и однако зри-го условныя разсужденія и методъ, по мнѣнію Руссо, отбрасываетъ природу вещей. „Мелкая задача“, пишетъ онъ, „отдѣливъ въ современномъ естествѣ человека черту первоначальную оубо свойствѣ искусственнаго и дамо познавъ состояніе, которое болѣе не существуетъ, которое можеть ^{быть} не существовало, которое, впродолженіи, никогда не бѣдетъ существовать, и о которомъ, однако, необходимо имѣеть истинныя предзавленія для того, чтобъ вторно судить о нашемъ настоящемъ положеніи.“

(При приѣмѣ (говоришь Шмаковъ) поразителю человека, при,

вышшего к позитивному знанию; они сражались в руинах
 современного излгодобавель, они для него непонятны, весь
 зорь субъективный метафизический процесс какъ проецо не
 даешь, мы орь него оурали. Но въ XVIII столетии метафизиче-
 ский методъ въ социальныхъ наукахъ былъ довольно общи-
 ный. Физика, естественное знание ^{тогда} освободилась орь него;
 въ исторіи оны еще продолжали тискозъ значение. „О, человекъ,
 какъ заключаешь Русо свое введение къ „Рочи“, ичь какіхъ
 же ты ни былъ срамы, какіхъ бы ты ни былъ удобудений,
 внемли! Возь збов исторія, какъ — какъ я прочитала ее
 не въ книгахъ збовъ близились, козорая лжиба, а въ
 природѣ, козорая никогда не лжеет. Все, что я видѣла орь
 нед, естъ истина; логичный будещъ, что я невольно
 прилтилась орь самого себя. Времена, о козорыхъ я буду
 говорить, оудалены; какъ измѣстился ты съ зтыль поръ.“
 — и возь разодлакаешь передъ нами абсурдная исторія
 абсурдного человека...

Въ наше время первоначальныя знаки въ исторіи челове-
 чева, — зль оудаленные періоды, когда зачинается и складыва-
 ние общественные союзы, вошли въ особенную моду среди ученыхъ
 излгодобавель. Транскорія народовъ привлекаетъ внимание изу-
 чающихъ культуру, занимающихся этнографіей, антропологіей,
 естественной исторіей. Вездезводьбы и географы путешествовать
 и наблюдать дикарей, археологи раскапываютъ курганы и
 открываютъ старинные памятники, историки разбираются

древние акры, лингвисты сгараются по языку, фольклористы по преданиям, второстепенным, обывательским, ^{нравственным} воззрениям давно минувших понятий и исчезнувших бытовых форм. Собрана по, давящая масса фактического материала. Археологическая сфера, которой воспламенены наши ученые к изследованию, ни то как доисторических, так и понятии существующих варваров, привела к многим курьзам, праздникам и мелочам, соображениям; но не поддается сомнению то, что новейшие раскопки выявили также немало ценных похороненных вещей. Благодаря этим раскопкам, давно минувшие эпохи, предшествовавшие началу государственного быта, представились в новом свете. Теория о каком-то едином, общем для всех народов естественном соединении признается абстракцией. На самом деле, были весьма различные первоначальные соединения у различных народов. Между ними различия естественными соединениями найдены в некоторых общинах германцев, и эти общины германцев свидетельствуют далеко не в пользу праисторических прав. Это было время ожесточенной борьбы, нестерпимой сознанием общей солидарности, господства дикости, стихийных сил и необузданных инстинктов, требовавших мгновенного удовлетворения... медленно и робко раскрывает наука эти отдаленные периоды, осторожно сходя от факта к факту.

Но разгар XVIII столетия, первоначальная эпоха возбудила также оживленный интерес. Но изучали их не по намерению.

Когда затворившаяся предзавлеченная о нравственности человека, основанная на естественных Писаниях, была погрязшая, — иль затворили гипотезами, постройками на охваченных мозгах, физическимь соображениямь. Спали судить и рядить, каково должно было быть первоначальное естественное состояние и выводили что-либо систему гипотезически, усугубляя факты и руководствуясь догадками. Такой методь былъ въ ходу у болонскаго политиковъ XVII и XVIII столетий, къ закону методу обратился и Руссо. Его выводы по содержанию расходились съ выводами другихъ нравств. физическ.: онъ усугублялъ благочестие факт., гдѣ они видѣли нечестную грубость. Но приемы въ изслѣдованіи были аналогичныя: какъ сторонники прогресса, такъ и сторонники былыхъ дѣней слѣдовали въ своихъ работахъ не сражательнымь фактическимь наблюдениямь, а охваченнымь предположениямь.

Философія XVIII-го вѣка возросла на своемь пути до вселенско слабости, дозойнаго презрѣнія прозвѣтниковъ. Но возъ прозвѣ секрета энциклопедическь воздѣялъ молодой человекъ, создававший для энциклопедии сраженіе о музыкантѣ. Музыкантъ Руссо становился зацѣпляющимь человѣческой совѣсти, борясь за нравственность, будущую жизнь и Провиденіе. Между факт. онъ также былъ философомь.

III эпоха. Швейцарскіи гражданинъ (1755-1765). ^{философъ.}

Мы уже знаемъ, что въ 1754г. Руссо возстановилъ въ Швейцаріи свои гражданинскія права. Съ энцикл. ^{пора} онъ во вѣсть свою, иль соименителю давалъ себѣ жизнь, швейцарскаго гражданина —